

The book cover features a central illustration of a large, blindfolded figure with long, flowing hair, wearing a crown with a red gem and a dark blindfold. The figure is dressed in a blue and gold robe with intricate patterns on the shoulders. The background is a dark, starry sky with vertical lines of light. The entire scene is framed by a decorative border with repeating geometric patterns. At the bottom, a small silhouette of a shepherd with a staff is visible.

Алексей Теплухин

РОКОТ ПОЛУЯВИ
ВЕЛИКОЕ ДЕЛЕНИЕ

Алексей Теплухин

Рокот полуяви: Великое делание

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

Теплухин А.

Рокот полуяви: Великое делание / А. Теплухин — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,

Повстречав ясноветлую звезду, представшую в образе девы, Глеб стал ведуном – его сознание пробудилось. Он выпросил у звезды право быть её спутником и подняться к вершинам мироздания. Сможет ли смертный уравниваться с небожителями и при этом сохранить свою сущность? А по пятам за ними уже идёт тёмный змей, которого принято называть Гасителем звёзд.

Содержание

1. Хождение за седьмое небо	5
Берег	5
Движения	8
Кухня	10
Космогония	13
Скалолазы	15
Борец	21
Новь	26
Потомки	31
Азбука	36
Занавески	42
Змеище	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Теплухин

Рокот полуяви: Великое делание

1. Хождение за седьмое небо

Посвящается моей маме Теплухиной Л.И.

Берег

Глеб стоял у автобусной остановки. Вечерело. Сумрак, наползающий откуда-то со стороны копчёных пятиэтажек и частных домиков, переваливал через шоссе и захлёстывал небо. Холодное блёклое небо, которое, впрочем, и в полдень казалось выстиранным и безликим, потому и солнце предстало намалёванным пятном... Ничуть не лучше, чем этот фонарь. Фонарь, чей жиденький свет бесстрастно лизал асфальт с бордюрами вместо того, чтобы сложиться в снопы, сгрести себя в пук и сделаться чем-то действительно стоящим. Зачем ты разгорелся сейчас, когда тьма ещё не поглотила город? Зачем ты нужен? Этот вопрос можно адресовать многим – и автомобилям, мчащим людей до бесконечности, и тем, кто суетился на рынке возле торговых палаток, возил тележки, нахваливал свой товар, вожделем приобрести нечто... Зачем вы здесь? Его усталый взгляд скользил по фигурам, выхватывал лица, запоминал итог очередного душного июльского дня, а в руках покоился свёрток.

Это был плащ – приобретённый в школьные годы, специально для театральной сценки, где ему отводилась роль королевской мантии. Цвет, некогда кофейно-молочный, теперь превратился во что-то трудно узнаваемое, то ли блёкло-серое, то ли отдалённо напоминающее перламутр. Школьный приятель недавно для чего-то просил эту вещицу – теперь Глеб забрал её обратно. Тряпка тряпкой, а память хранит. Он не любил расставаться с предметами, как-то отразившимися в жизни, хоть пустяжными, хоть по-настоящему полезными. Барахольщиком его окрестили давно и неслучайно, однако прозвище – не смущало. Он, в целом, довольно легко относился к поддёвкам и даже оскорблениям, будучи направленным скорее на созерцание, чем на действие. Потому отличался медлительностью, молчаливостью, задумчивостью, раздражая присутствующих рядом.

На остановке напротив он увидел красивых девушек – с ярким макияжем, в лёгкой одежке, едва прикрывающей тело, с блестящими украшениями, наверняка ненастоящими, но броскими. Самое главное, девушки обладали именно такой внешностью, которая была в ходу в последние десять-двадцать лет.

С улыбкой, всегда слабо проглядывающейся на его тяжёлом глинистом лице, Глеб подумал о том, что уже его одноклассницы стремились к той внезапно востребованной, распутной красоте, которая сегодня захватила жилые квартиры. Одна из прелестниц – а они являлись самыми что ни на есть прелестницами, потому что стремились прельщать, и не более, – поймала его взгляд и, хищно сверкнув глазками, ответила плотоядным оскалом, вполне чарующим и манящим. Подъехавший автобус прорезал пространство между ними, затормозив несколько дальше положенного, – в любом случае, Глеб вот-вот отвёл бы глаза и проигнорировал, как делал всегда, когда объект наблюдения – всего лишь объект! – вдруг замечал его и реагировал как-то в ответ.

Несмотря на всю сдержанность и беспристрастие, он с трудом переключил внимание, словно ещё чуть-чуть, и осознал бы некую очевидность. Девушка кивнула, подмигнув и цокнув языком. Этот её жест заставил Глеба дёрнуться, будто ударило электрическим током, из-за чего

он споткнулся и чуть не упал. Автобус пыхнул выхлопной трубой и поехал дальше, а в уши врезался звонкий смех. Отряхнувшись, он поправил выроненный плащ, начал было сворачивать, но вдруг решил, что не хочет нести этот свёрток, так как отправится домой пешком, не дожидаясь транспорта. Глеб накинул плащ на плечи, щёлкнул застёжкой и зашагал по обочине.

Прилетевшая полумгла, предвестница ночи, жирными размашистыми мазками прятала различия. Он осязал кожей мельтешащих людей и в то же время брёл точно во сне, точно в коконе, благодаря которому его не касалась окружающая действительность. То ли вокруг – спящие, то ли ему дрёма свила почти непроницаемую защиту...

Возле входа на рынок к Глебу прицепился мужичонка цыганской наружности, который писклявым голосом сообщал о чём-то великом и загадочном, подвластном лишь ему одному, после схватил руку Глеба ладонью вверх и начал «читать по линиям».

Он попытался объяснить цыгану, что не верит в хиромантию, физиогномику и прочее (хотя, на самом деле, читал подобную литературу и пробовал практиковать). Цыган то ли внял словам «клиента», то ли по какой-то другой причине отбросил его ладонь – даже отшатнулся. Будь кто другой на месте Глеба – непременно обиделся бы, заскандалил, а этот усмехнулся тем же самым образом, как другие часто фыркали ему прямо в лицо, махнул и пошёл дальше. Всё равно! – сердце рвётся, как птица в силках, разум шаток, а на небе уже проглядываются звёзды.

Двадцать минут по дорожке вдоль полупустого шоссе и коттеджей, затем пересечь трассу и через дебри выйти к одному из двух озёр, украшающих здешнюю местность. Ближе к ночи тут тихо-тихо, как будто не случалось шумных компаний и десятков людей утром, о которых ныне свидетельствовали лишь горки мусора и бутылки, напоминающие крохотные курганы и крохотные тела павших воинов. Глеб жил в доме по ту сторону трассы, где располагался завод, супермаркет и пожарная часть, – там вместе с пятиэтажными старыми жилищами соседствовали частные постройки, похожие на деревенские избышки.

Он присел на берегу и смотрел, как звёзды отражаются в озёрном зеркале, подёрнутом рябью. Зрелище красивое, магическое... можно представить, как далёкие предки также вздыхали о недостижимых вершинах, куда потомки сумели вырваться на ревущей ракете. Только тогда, в прошлом, в воздыханиях было куда больше смысла – они верили, что там божества, а теперь мы знаем – там космическая безграничность, невесомость и чёрные дыры... что толку по ним вздыхать?

Зазвонил телефон – родители, уехавшие в гости к родственникам за тысячу километров. Он принял входящий вызов, поздоровался. Мама интересовалась по поводу статьи, отправленной в редакцию.

– Нет, не приняли... ничего не говорят... – Глеб не любил общаться по телефону, тем более упоминать о том, что доставляло неудовольствие.

– Я нормально, – он продолжил говорить ещё более вяло и тягуче, когда заметил на небосводе ярко горящую точку, свет которой постепенно лишь возрастал.

«Падающая звезда?» – мелькнула мысль.

– Хорошо всё у меня, да...

А потом поспешно выдохнул:

– Ладно, пока!

Точка превратилась уже в пылающий бесформенный объект, мчащийся вперёд. Глеб утёр выступившие слёзы и припал к кромке травянистого берега, когда светящаяся штуковина пронеслась у него над головой и внезапно потухла, где-то перед пожарной частью, прямо на дороге.

Пролежав ничком полминуты или минуту, он поднял голову и прислушался: никакого взрыва или шума не последовало, хотя что-то должно было разлететься на куски, как в фильмах об НЛО (а произошедшее ассоциировалось у него именно с НЛО). Рядом прошла улыбающаяся парочка влюблённых, держась за руки. Они беспечно ворковали о разных пустяках,

что было понятно по интонациям голосов. Глеб поднялся, осмотрелся по сторонам, обратился к дядьке, который с мрачным видом выгуливал собаку:

– Извините, Вы не видели тут такой сверкающей штуки?

– Что?

– Ну, вот сейчас над нами пролетела...

– Пропись, алкаш!

Покачав головой, Глеб вышел к шоссе – наверняка там можно будет найти больше полезного. Сейчас, когда на любом замусоленном телефоне есть камера, практически ничего невозможно утаить. Но и здесь ждало разочарование – трасса пустовала, никого поблизости не было, кроме группки полупьяных парней, распивающих спиртные напитки и просматривающих видео под дружный гогот. Глеб помассировал виски, протёр глаза...

Неужели почудилось? Но тело – плечи, спина, шея – ещё помнило жар от летящего кома... неужели такой жестокий обман? Надо идти спать... нечего гулять по ночам... хватит...

Бормоча под нос какие-то невнятные невразумительные рассуждения, он проплёлся мимо широкой лужи и лишь шагов через десять осознал, что в мутной воде вместо собственного искажённого отражения увидел женское лицо. Глеб встал как вкопанный, скомкав свой импровизированный плащ. За спиной раздалось слабенькое потрескивание – так рушится тонкий лёд... Он обернулся – из лужи спиной к нему поднималась, снизу вверх, точно на невидимом лифте, пламенно-рыжая девушка, обнимающая себя за плечи и вздрагивающая всем телом...

Движения

Он завертел головой по сторонам, пытаясь найти доказательства тому, что это не мираж, не обман зрения, как только что погрезившийся ослепительный шар в небесах. Однако шумная компания парней не отрывалась от действия, воспроизводимого на дисплее, никого другого же поблизости просто не обнаружилось. Глеб с дрожью во всём теле остановился и стал наблюдать за безумством, творившимся перед его взором.

Из лужи, меленькой и длинной, не предпринимая никаких видимых усилий, поднималась рыжеволосая девушка, облачённая в плотное, но в тоже время как будто лёгкое, воздушное, платье, которое облепило нежную славную фигурку. Удивительно, но локоны её казались совершенно сухими, в отличие от одежды. Босоногая, она повернулась к нему – рыжеватые брови дёрнулись было вверх, а потом глаза как-то холодно и отстранённо блеснули, даже несколько недоброжелательно. Изыщные черты лица, гладкого и безупречного, сейчас были напряжены – испуг перемешался с волнением...

Глебу никогда не нравились рыжие – нет, не потому, что он испытывал неприязнь к людям с определённым цветом волос или обладал какими-то убеждениями касательно их поведения. Он никогда не издевался над ними подобно тому, как вот уже на протяжении долгих лет в школах раздаётся дразнилка «рыжий, рыжий, конопатый...». Просто не встречал он среди людей с этим цветом волос тех, кто вызывал бы у него симпатию. Не встречал до сегодняшнего вечера, стоит отметить...

Девушка из лужи постаралась выпрямиться – это у неё плохо получилось, словно был повреждён позвоночник. Затем она сделала несколько неловких шагов, что со стороны выглядело как нелепый танец: она встала на вытянутый носок, потом резко опустила на пятку, потом уже другой ногой повторила эти же движения и села на корточки, обвив колени руками. Глеб всего лишь подумал о том, чтобы осторожно предложить ей свою помощь, как девушка внезапно подпрыгнула, будто разжавшаяся пружина, и внутри её, в груди, в области сердца, засиял свет, прорывающийся сквозь оковы плоти наружу...

Глеб содрогнулся – заныла кожа на спине и шее, а ещё на плечах, ведь это был тот самый свет горящего НЛО, который никто, кроме него, не почувствовал и не удостоил вниманием. Он даже не успел осознать случившегося, как сверкание исчезло, потом вновь повторилось и больше не вырывалось наружу. Так происходит с лампочкой, которая должна вот-вот перегореть...

Незнакомка опять закружилась в непонятных па – и неуклюжих, и вместе с тем элегантных. Она вообще не могла делать что-либо неэлегантно. Глебу подумалось, что девушка из лужи испытывает боль – пробует встать на ноги, куда-то пойти, но взамен желаемого – ломаные жесты и скрученные судорогой конечности. Сзади раздалось вдвойне усиленное гоготанье. Он обернулся – захмелевшие парни в нескольких метрах в стороне от него тоже неожиданно заметили странный танец и теперь снимали его на камеру мобильного устройства. Глеб совершенно запутался в происходящем. После случая на озере он полагал, что только он один способен видеть это сумасшествие – падающие звёзды (или, может быть, всё-таки летающие тарелки?), красавиц, выходящих из луж, как Афродита, рождающаяся из морской пены... Теперь же оказывается, что и пьяным балбесам доступна картина, уничтожающая грань реального и недоступного.

Он не знал, что в это же время, прячась за деревьями возле заборов частных домишек, следил за всем ещё один человек. Это был Игнат – темноволосый, несколько нервный молодой мужчина с беспокойными бегающими чёрными глазами и синеющей щетиной. Он жил по соседству с Глебом и имел с ним приятельские отношения, настоящей дружбы за все минувшие года меж ними не завязалось. Сейчас на лбу у Игната появилась испарина, щёки втянулись,

воздух со свистом проникал в лёгкие через полураскрытый рот с толстыми губами. Периодически он поглаживал подбородок с большой ложбинкой посередине вздрагивающей рукой.

Из мрака, словно тень, отлипшая от ближайшей ограды, возник другой худощавый человек в длинном тёмно-фиолетовом плаще, с бархатным котелком на голове. Неестественная желтизна кожи и худоба заставляли сравнивать его с мертвецом, а хищный крючковатый нос делал его образ – зловещим. Лакированные туфли, чьи носы выглядывали из-под брюк, еле слышно поскрипывали. Глаза скрывали необычные очки: круглые стёкла были в виде тайцзи, чёрно-белого символа, выражающего концепцию инь-ян в древнекитайской философии. Этот странно одетый человек встал в двух-трёх шагах позади Игната. Ладонь его покоилась на отполированной гладкой трости, и на безымянном пальце поблескивал драгоценный перстень с отливающей золотым и серебряным буквой «Г».

– Действуй! – худощавый господин обратился к Игнату, почти не разжимая губ.

– Там много людей, – выдавил Игнат, боясь смотреть на своего знакомого.

– Возьми!

Игнат обернулся полностью и замер, внутри всё похолодело – ему протягивали заряженный пистолет. Причём не какой-то современной модели, а маузер, каким, наверняка, не побрезговали бы комиссары времён Гражданской войны.

– Бери! – настоял человек в очках. – Три заряда. Надо – убери соседа, но она мне нужна!

Встрепенувшись, Игнат принял оружие, опять посмотрел на дорогу и понял причину, по которой ему велели в случае необходимости «убрать соседа». Глеб подошёл к рыжеволосой девушке, выбившейся из сил, и накинул ей на плечи свой плащ. Пьяные ребята затихли – запечатлев на телефоне несуразный танец, они решили посмотреть его, но дисплей засветился изнутри, покрылся сетью трещин, приведших аппарат в полную непригодность, и погас навсегда. «Да ну её!» – закричал тот, что снимал на камеру, и первым побежал подальше от этого места, почувствовав животный страх. Через пару секунд к нему присоединились товарищи.

Придерживая незнакомку за талию, Глеб помогал ей передвигаться. Игнат изготавился, надавил на курок... Последовал наименее всего ожидаемый шипящий звук, с которым вместо пули из дула вылетел некий сгусток.

– Аккуратней! – без эмоций прикрикнул человек в очках. – Два осталось! Прибереги!

Услышав неприятный звук, прорывающийся, словно сквозь толщу воды, Глеб по инерции пригнулся и, соответственно, потянул за собой девушку. В следующее мгновение, ему показалось, что над их головами промчался небольшой чёрный шарик. Маленький снаряд как будто вынырнул из небытия прямо перед ними и также канул в небытие, не оставив ни следа, ни примет.

Ночь продолжала обрастать странностями...

– Ты должен сделать всё! – разгневанно промолвил человек в очках.

– Угу, – робко кивнул Игнат, бросая косой взгляд на странного господина.

Он хотел сначала сказать: «Почему бы тебе самому не выполнить то, что требуется?» – однако сдержался. Точнее, его заставил сдержаться отвратительный ожог на левой щеке человека в очках. Много Игната пугало и раздражало в собеседнике, но прекословить он не мог. Стоило только на миг опустить глаза, как человек в очках исчез. Иногда Игнату казалось, что он сходит с ума, а неожиданный визитёр всего лишь плод больного воображения, что-то сродни тому, как Есенин описывал чёрного человека. Но вот маузер, тяжёлый и неподдельный, говорил об обратном – всё по-настоящему, всё серьёзно... даже слишком.

Кухня

Можно, конечно, решить, что история началась. Причём началась там, у озера – в блеске и свисте стремительного падения с небес ослепительного шара. Или же – в момент необъяснимого возникновения из лужи неизвестной особы, заставившей прохожего остановиться и взирать, распахнув изумлённо рот, – почему бы здесь не случиться завязке сюжета, правда? Не правда – так рассудили звёзды, сплетаясь в узоры, в которых зашифрованы послания о грядущем. Всё случилось, как всегда, просто и банально – на кухне. С кухонных разговоров начинается великий поход, из кухонных разговоров вырастают грандиозные деяния и непредсказуемые последствия, а чаще всего – не вырастает ничего.

Глеб усадил на кухне дрожащую, озябшую незнакомку. Для согрева и успокоения налил ей и себе виски из отцовской бутылки – первое, что попало под руку. Одним глотком одолел свою порцию, потянулся было ещё, но замер, глядя на девушку. Словно котёнок перед миской молока, она наклонилась над бокалом, повела носиком, принохиваясь, потом поднесла к губам и чуть-чуть отпила.

– М? – она посмотрела на Глеба. – Что это такое?

Он, молча, подвинул к ней бутылку, так, чтобы была видна этикетка. Незнакомка пристально осмотрела виски, точно пронзала насквозь острым взглядом. Дотронулась до стекла, покачала головой из стороны в сторону – так обычно удивляются какой-нибудь невидали. Глебу не верилось в то, что, по крайней мере, в этом городе, найдётся человек, не знавший о виски, однако он поглядел на девушку, которая несколько минут назад была мокрой и продрогшей, теперь же – платье на ней полностью сухое, очень чистое, а сама она, если напрячь зрение, излучает приятное серебристое сияние. Глебу подумалось, что у него что-то с глазами, он окинул взглядом всю комнату и внезапно кожей почувствовал влившуюся в дом белизну. Он взял бутылку, к которой девушка уже потеряла всякий интерес, плеснул себе немного жидкости и так же, одним глотком, опустошил бокал.

Неожиданное ощущение ошарашило его.

– Это чай! – воскликнул Глеб, распознав подвох.

Девушка непринуждённо передёрнула плечами.

– Как?! – глаза у него полезли на лоб. – Только что было виски! А теперь чай!

Он медленно сполз по стене, ероша волосы, которые, наверное, вот-вот встанут дыбом.

– Я сбрендил... надо позвонить в психлечебницу, да?

– Не нужно, – смущённо улыбнулась девушка. – Это из-за меня.

– Конечно, из-за тебя! – нервно хохотнул Глеб. – Кто бы ещё смог столь эффектно выплыть из лужи? Кто ты такая вообще? Как тебе удаётся... ну, вот это вот всё... а?

Она, закинув ногу на ногу и неуловимым жестом расправив складки своего платья, положила одну ручку на стол, а другой подпёрла подбородок, сверкнула волшебным притягивающим взглядом и заговорила совершенно спокойно, не переставая всё также источать серебристость:

– Имя мне Веденя.

– А? – Глеб издал жалобный звук.

– Веденя, – терпеливо повторила девушка. – Или Ведана, если угодно.

– Не-не, Веденя – нормально.

Она улыбнулась, тряхнув копной волос:

– Хорошо. Я желаю, чтобы ты успокоился и воспринимал действительность таковой, какова она есть. Да, я понимаю, что сегодня, всего за полчаса, тебе довелось увидеть столько необыкновенного, сколько другие не видели за всю жизнь.

– Ага! – кивнул Глеб, выпучив глаза.

– Но давай будем последовательны в наших умозаключениях. Если ты видишь нечто запредельное, чего иные не способны не только постичь, но даже заприметить, то получается, тебе либо дозволили глядеть на запретное, либо ты просто не различаешь тонких граней. Я лично не люблю, когда на меня обращают много внимания, потому обычно стараюсь... э-э-э... отводить глаза случайным прохожим. К сожалению, в этот раз со мной приключилась неприятность – приземление выдалось болезненным, я не смогла совладать с собственным весом. Как видишь, от моего желания мало зависело.

Глеб немного помолчал, а затем осторожно полюбопытствовал:

– Что же? Выходит, я сам сумел разглядеть всю эту чепуху на берегу, да? НЛО, тебя, какие-то мутные знаки...

– Получается, дело не в моём или чьём-то вмешательстве, а в твоём собственном зрении, – вздохнула Веденея.

– Ну, да, да, – Глеб встал, опершись о стол. – Вдаль плохо вижу, близорукость небольшая.

– А этот свет, который сейчас окружает нас, видишь? – по голосу Веденеи можно было понять, что она едва сдерживается, чтобы не засмеяться.

– Ах, свет... я-то подумал, что туман в глазах от недосыпа...

Звонящий голос девушки продолжал нарастать и почти казался чем-то вещественным:

– Просыпайся уже! Хватит отпираться! У тебя живое зрение! Посмотри вокруг: вон, возле шкафа сидит косматый мужичок в лаптях – это домовый, вон в зеркале мордашка Зеркалицы, вон другие духи, наполняющие жилище!

Глеб присел на стул, потирая разболевшийся лоб – как будто что-то лопнуло в голове, что-то надломилось, словно череп треснул, подобно переспевшему арбузу, пополам, а в широкой прогалине, жаром горя, точно пламенное сокровище, наружу проклёвывается колеблющийся, резонирующий мозг. И внезапно всё то, что мелькало раньше лишь невоплощёнными грёзами, размытыми и хмурыми тенями, пугало нарочитой лживостью с показной противостественностью, – всё разом обрело смысл, цвет, форму и, самое важное, глубину! Всё обрядилось во плоть, нашло своё отражение в Глебовом восприятии и перестало дичиться его, будто с окружающей тайны сдёрнули пыльное покрывало.

В одночасье узрел он мир таким, каким ежедневно и еженощно наблюдал его далёкий предок! Предок, вздыхающий на звёзды подле водоёма тысячи лет тому назад и верующий, что там высоко-высоко следят за миропорядком небожители. Недрёманным оком предстала царица-луна, а солнце теперь мнилось вечно бодрствующим странником, стремящимся хотя бы на краткий миг возвратиться в свою обитель, где ждёт-пождёт его матушка. Зашуршал домовый – не мистическим непонятным скрежетом, но явным и доступным звуком. И вдаль на берегу – заплескались русалки, а за окном прошёл покряхтывающий дворовой – в гости к сварливому баннику, выпить вместе с ним по ковшу самогонки...

Заиграл старый мир новыми красками, раскрылся, развернулся, как скатерть-самобранка, самовольно подпихивая под нос удивительные и невероятные картины да образы. А раз так, то и огненные шары способны падать с небес, оставаясь никем незамеченными... и загадочная незнакомка может, как на лифте, подниматься из лужи, которая муравью по колено... и целая бутылка отцовского виски от её единственного прикосновения может превратиться в крепкий несладкий чёрный чай – а почему бы нет, коли всё вышеперечисленное является свершившимся фактом?

Глеб изучил Веденею взглядом, стараясь применять только что обретенный дар... дар, который давно наметился, но до сих пор был не в состоянии пробиться наружу, словно неуверенный желторотый цыплёнок, страшющийся проклюнуть скорлупу, за пределами которой, оказывается, прячется целая вселенная.

– Кто ты? – задал он вопрос, будучи не в состоянии распознать её сущность, идентифицировать, как то случилось с домовым, дворовым и прочими поразительными существами, живущими параллельно.

Она мягко и сердечно улыбнулась в ответ:

– Звезда.

Космогония

Раздираемый противоречиями, переполненный неведомыми ранее чувствами и эмоциями, Глеб выбежал вслед за нею из дома. Но прежде – замер, постояв три-четыре секунды на пороге и подумав, что это есть граница обжитой территории. Веденея не оборачивалась, гордо держа голову. Такой осанке, такому умению нести себя, а не волочиться по земной персти можно только позавидовать. Огненные локоны её были длинны – ниже пояса – и густы, они трепетали от нежных прикосновений ночного ветерка, напоминали языки костра с метущимися искорками. Осиная талия и невыразимая внутренняя мощь чудесным образом сочетались в ней, в этом поразительном существе, называющем себя ясносветлой звездой, обительницей заоблачных чертогов.

– Подожди! – окрикнул Глеб. – Ты же не станешь вот так уходить!

Веденея повернула голову в его сторону, впервые на её лице отразилось некое подобие удивления, как будто она задавала немой вопрос: «Почему же я должна медлить?». Вслух же девушка произнесла:

– Но... мне нужно возвращаться!

– Постой! – Глеба разрывали на части страх и восторг, вера и неверие в происходящее. – Расскажи... столько всего сразу...

Тут Веденея на мгновение закатила глаза, однако этим всё уже было сказано – этот несмышлёныш только что очнулся от дремоты, вырвался из полуяви, начал кое-как различать окружающий мир и теперь боится потерять того, кто оказался рядом в момент пробуждения. Точно также птенцы принимают за маму первого, кого увидели перед собой в час появления на свет.

– Расскажи, зачем ты спускалась к нам! – выдохнул Глеб, желая исправить мнение, сложившееся о нём. – Почему ты упала, а не приземлилась?

Удивление опять промелькнуло на её лице. Должно быть, человек не настолько прост и наивен, как она полагала изначально.

– Звёзды время от времени спускаются в нижележащие миры, чтобы привнести в сумеречную явь света и тепла, – Веденея отвечала, тщательно подбирая слова. – Нам достаточно спуститься на несколько минут, чтобы задача оказалась выполненной.

– Извини, что перебиваю, – Глеб старался быть деликатным и учтивым. – Что такое сумеречная явь?

– Один из подуровней Яви, – пожал плечами звёздочка, но по непонимающему взгляду собеседника поняла, что без подробных пояснений здесь не обойтись. – Вселенная многослойна и неоднородна. Есть три уровня бытия – Правь, Явь и Навь, которые, в свою очередь, делятся на многие подуровни. Например, Явь и Навь делятся на сумеречные и светлые. Да что я тебе говорю – посмотри наверх!

Он обомлел, когда различил иные измерения над крышей собственного дома. Там, высоко-высоко, раскрывалась воронкой Вселенная, бесстрашно и бесстыдно выставляя напоказ всё содержимое. Что-то искрилось, а что-то сияло, врезалось в разум сквозь очи навечно. Хотелось кричать до визга и взорваться безудержной пляской.

– Что это? – спросил он, как спрашивает ребёнок, хватая в новогоднее утро коробку в цветной упаковке.

– Там Птичий мир, – сказала Веденея, указывая распростёртой дланью. – А там, пониже, небесная твердь...

– Куда же ты уходишь?

– Выше! – улыбнулась звезда. – Туда!

В неясном свете, почти на самом верху чудесной воронки, серебро смешивалось с мраком, и само пространство утопало в синеватой дымке. Завораживающий край с мерцающими тенями и проблесками необычайно ярких фигур, мнящимися отсюда не больше хлебной крошки. Там вечное движение не стихало, просеиваясь через сито пронзающей мысли и превращаясь в деяния.

– Что там? – повторил вопрос Глеб.

– Шестое небо! – голос Веденеи задрожал, наполненный священным трепетом, а вместе с тем ликованием и любовью. – Прародина... исток...

Глеб вдруг осознал, что щёки умывались солёной влагой, – выступили слёзы супротив воли, совершенно неосознанно, как будто он разделился натрое: плоть оставалась в материальном явном мире, а дух, находящийся, оказывается, далеко-далеко, встрепенулся и поманил к себе, в полузабытые просторы. Душа же застыла посередке, исполняя роль шаткого моста, прокинутого от одного берега к другому. Печально было от того, что в каждое мгновение связь, установленная совсем неожиданно, могла оборваться; а как вернуть её, оставалось загадкой.

– Как ты пойдёшь туда?

– Есть много разных способов, – пожала плечами Веденея. – Я отправлюсь по лучику, мне так будет проще.

– Возьми меня с собой! – попросил он.

– Нет! – чего-то испугалась Веденея.

– Возьми! Прошу!

– Но ты человек! Ты пропитан здешним миром! Твоё тело вряд ли поднимется хотя бы на треть!

– Пусть так! Пусть – сколько поднимусь, столько и будет!

– Ты можешь просто свалиться в свой мир, что равносильно гибели! Ты видел ведь, как я не рассчитала свой вес!

– Видел!

– Но я – звезда, я выжила, а что же...

– Пожалуйста!

Веденея тяжело вздохнула, покачав головой, словно говорила самой себе: «Нет, это безумие! Чистое безумие! Да как же быть? Уйти одной? Он зачахнет, будто цветок в пустыне... очарованный дурак... Он хочет, он просится... пускай! – чужое минует, а своего не объедешь. Коли суждено что-то Великими пряхами, то не моей воле это менять, не напрасно же именно он повстречался мне в этом мире?».

Скалолазы

*Беззаботные скалолазы
Без страховки итурмуют небо,
Им не нужно ни зрелищ, ни хлеба,
Им нужно небо в алмазах,
Зацепившись за звёздный лучик,
Они плавают в чёрной бездне,
Им не нужно ни кайфа, ни жести,
Им нужен волшебный ключик...*
«Скалолазы», В. Бутусов и гр. «Ю-Питер»

– Следи за ними! – приказал Игнату человек в очках тайцзи шипящим голосом. – И запомни – два заряда осталось! Только два.

– Они что-то делают, – сообщил Игнат, наблюдая за происходящим в соседском дворе из-за ограды.

– Что именно? – прохрипел худощавый господин.

– Девушка как будто кого-то тянет... или тащит сверху за верёвку какой-то предмет... – Игнат не находил слов, чтобы описать представшую картину. Его же спутник чудесным образом словно бы ослеп, хотя в темноте он различал не хуже кошки – в этом-то Игнат имел возможность убедиться.

– Если возникнет тропа – беги следом! – тоном, не терпящим пререкательств, распорядился человек в очках.

– Какая тропа?

– Гляди в оба! – прозвучало вместо вразумительного ответа.

Глеб, не замечая соседа и, тем более, странного худощавого человека, подошёл к звезде. Он уверился в том, что она не бросит его, позовёт с собой.

– Что ты делаешь?

– Есть много путей: тропы ветра, дороги птиц, стезя Пресущной горы, – ответила Веденя. – Но мы поступим иначе. Нам поможет лунный луч.

После таких речей Глеб вздрогнул, припомнив бессмертное произведение Булгакова. Однако времени, чтобы отдаваться во власть эмоций, не было – девушка уже начала творить своё таинственное волшебство. Не отрывая взора от нарождающейся луны, она протянула к ней руки, точно ловила невидимую бабочку. А потом её пальцы часто зашевелились – так нащупывают нечто тонкое, трудно осязаемое.

Глеб внезапно для себя услышал дрожание невидимых струн, сопровождающееся мелодичным перезвоном. А когда Веденя начала тянуть вниз пойманный луч, вместе с тем, как открывались запредельные просторы, необыкновенные звуки вкуче с неземными песнями проливались на сонный дворик самого простого домишки, какой только может быть в этом городе, в этой стране, в этом мире...

Воздух заколотился, задрожал – серебряной стрелой извне обнаружился лунный луч, вначале хрупкий, не толще ниточки, но через пару мгновений он принялся расширяться. Продолжалось это считанные секунды, пока он не увеличился настолько, чтобы на него можно было взойти, как по мосточку.

Веденя первой поставила ножку на новообразованную тропинку.

– Идём! – поманила он лёгким движением головы.

– А? – растерялся Глеб.

– Не бойся, – улыбнулась звёздочка.

«Сказать-то вон как просто!» – подумал он, но ничего не произнёс вслух, пробуя заставить себя пошевелиться. Стопа его опустилась на твёрдую поверхность, стояло лишь перебороть страх и прекратить доверяться уму. Когда говорило сердце, очи его не различали опасностей, просто не видели никаких преград и препятствий. Когда же говорил ум, он отрицал всё, что случилось этой ночью, отрицал существование лунных дорог, ограничиваясь только заученными догмами и правилами. Сердце – маяк, указывающий верное направление, ум – чулан, заполненный ежедневной информацией. Из чулана дальних путей не узреть.

Лишь выявил Глеб для себя эту закономерность, по сути детскую и бесхитростную, ноги сами запрыгнули на луч и понесли его следом за Веденеей. Всеобъемлющее восхищение распирало изнутри, душа рвалась наружу, распознав родное и милое. И вдруг лунный путь затрясся, словно обвалилось что-то громадное. Глеб видел перед собой только вмиг исказившееся лицо звёздочки – гримаса страха вперемешку с гневным отрицанием заставила его сделать волевое усилие и обернуться. Конечно же, он не ожидал, что на краешек истаивающего лучика запрыгнул Игнат и, кое-как балансируя, стараясь не свалиться, бежит за ними.

– Уйди! Уйди! – замахала Веденеей. – Прочь!

– Что ты вытворяешь? – закричал изумлённый Глеб.

Сосед не ответил ему, занятый мыслью о том, как не свалиться бы наземь.

– Уйди! А не то поздно будет! – в последний раз предупредила Веденеей, но не изменила этим намерений молодого мужчины.

Глеб, онемев, только смотрел: магическая тропа уже не касалась травы, постепенно укорачивалась, возвращаясь туда, откуда прибыла, то есть в высшие пределы мироздания, к царице-луне.

Натужно пыхтя, Игнат бежал и бежал вперёд, скользя, спотыкаясь, всхлипывая. Наконец он вцепился в плечо соседу.

– Пусти! – высвободившись, недовольно промолвил Глеб.

– Не отставайте! – холодно произнесла Веденеей и устремила вперёд. Люди, переглянувшись, молча, поспешили за янтарной звездой. Назад уже было нельзя повернуть.

Втроем они миновали облака, на которых сидели странные существа с синей кожей в белой пушистой одежде по подобию комбинезонов. В коротеньких ручках погонщики туч держали багры с крюками на конце, а едва различимыми глазками провожали людей, раскрыв рты. Тут же металась бесы в горшках и в другой похожей утвари, компанию им составляли прочие нечестивцы всяких мастей – с пупырчатыми кожистыми крыльями, со свиными рылами, с козлиными рогами и бородками.

Среди этих тварей, прямо в эпицентре дикого вихря, созданного ими, кружился гогочущий чернокнижник. От общения с тёмной силой для зрячего человека он практически утратил нормальное обличье: расползся в разные стороны, обрюзг, одутловатое красное лицо оплыло, глаза ввалились, большинство зубов выпало, нос распух, став чем-то бесформенным и безобразным. Заприметив странников, чернокнижник потянулся к ним, причмокивая толстыми алыми губами. Нечисть вокруг него содрогнулась и сделала попытку отговорить, но чародей был непреклонен. Игнат, с трудом приходивший в себя, потянулся за маузером, однако не успел даже дотронуться до оружия, не то что вытащить из внутреннего кармана жилетки, – его опередила Веденеей.

Идущая впереди шагов на десять-пятнадцать, она вовремя обернулась к спутникам и надвигающейся на них угрозе. Лик её был грозен и прекрасен – огненные волосы развевались, подхватываемые потоками ветра, свечение от тела усилилось, в очах заплясали блестяще-белые вихри. Звезда воздела длань, и – яркая вспышка, заставившая зажмуриться и Глеба, и Игната, наградила тяжёлыми ожогами чернокнижника, который явно желал завладеть парочкой заплутавших человеческих душ. После завершения происшествия Веденеей зашагала, как ни в чём не бывало.

Луч продолжал укорачиваться, утончаться, вынуждая людей ускориться и не отставать. Земное небо осталось позади, а сменившее его пространство напоминало бесконечное поле завитушек молочного цвета, сквозь которые проглядывались очертания одинокого острова и каких-то чудесных силуэтов. Однако здесь они не задержались, хотя Глеб был бы, наверняка, не прочь подробнее исследовать таинственную местность. Из школьных лет он усвоил, что есть атмосфера, гидросфера и так далее, а за границами планеты – космос, представляющей ему чем-то огромным, чёрным и холодным. Находясь же на лунной дороге, он не испытывал ни мороза, ни голода, нервы постепенно успокаивались, и ничто, кроме открывающегося извне, не интересовало его. Вероятно, нечто похожее переживал сейчас Игнат – при всём страхе перед человеком в очках тайцзи и при всём почтении он не мог даже помыслить о своём кровавом обещании в эти счастливые благодатные мгновения.

Веденея остановилась и пристально изучила белёдые кудряшки. Глеб подумал, что с таким же успехом он мог бы встать в своём доме возле стены и сверлить её настойчивым взором, хотя от этого ничего не поменялось бы. Однако звёздочка вдруг стала нащупывать тонкими пальцами как будто бы дверную ручку. Она коснулась чего-то, надавила, навалившись всем тельцем, и пространство поддалось – разошлось в разные стороны, отворяя новые горизонты и показывая продолжение лунной дороги. «За мной!» – зазывно махнула Веденея, не проронив ни слова.

Миновав медленно затягивающееся отверстие, отдалённо походящее на театральный занавес, Глеб ахнул, зажмурился, а после поглядел на Игната – тот имел вид жалкий, оторопелый, точно его выжали, как лимон.

– Белый космос...

– Нет, – возразила Веденея. – Это небесная твердь.

– Твердь? – не понял Глеб. Он созерцал сейчас скопище миров, разбросанных то тут, то там, сверкавших подобно алмазным россыпям. Созвездия и галактики казались совершенно живыми созданиями – мелко содрогались, словно дышали, едва уловимо вибрировали, будто переговаривались, кружились в непрерывном танце.

– Небесная твердь, – терпеливо повторила Веденея. – Совокупность светлых миров, где живут зрячие, просвещённые, люди. Это второе небо, второй уровень бытия, иначе называемый также светлой явью.

– Хочешь сказать, Явь дробится на малые составляющие части?

– Да, – звезда подтвердила догадку человека. – Ты обитаешь в сумеречной яви, над тобой – светлая явь, под тобой – тёмная явь.

– Почему же с Земли не видно небесную твердь?

– Она лежит в другом измерении. Людям на Земле уже не доступны такие понятия и меры величин.

– Ещё не доступны, – поправил Глеб.

– Нет, – отрицательно покачала головой Веденея. – Уже. В старые времена, когда Земля была одним из миров светлой яви, человечество всё это знало и помнило. Теперь же вы, потомки просвещённых, можете найти отголоски великих знаний пращуров в наполовину лживых оккультных книгах и полузабытых тайных сообществах. Но стоит ли искать, коль там всего лишь толика истины? Истина, к которой примешали ложь, в сто раз страшнее и опаснее обмана в «чистом» виде.

– Земля была частью небесной тверди? – в очередной раз поразился Глеб.

– Была. А потом скатилась в сумеречную явь.

– А почему скатилась?

– Потому что большинство людей поддалось влиянию тёмных сил. Зло часто посещает светлые миры – это как прививка от болезни. Если люди чисты помыслами и тверды в вере, они никогда не проиграют и сберегут свой мир в безопасности, уюте, гармонии. А если души

их мечутся в поисках глупых страстей, как знамя под порывом ветра, если ничего их не интересует, кроме собственной корысти, разум шаток и холодное сердце... тогда случается так, как с Землёй произошло – она отяжелела, её опутала тьма, и мир твой свалился в сумеречную явь. Теперь же он рискует вообще скатиться ещё ниже, коли не сделается мудрее.

– Страшные вещи ты говоришь, – нахмурился Глеб, по-прежнему очарованный небесной твердью. Он почувствовал горечь с досадой от того, что, если верить речам Веденеи, человечество само обрекло себя на потёмки и отказалось от эдакой красоты! Какими простофилями нужно было быть!

– Почему страшные? Ведь так и есть. Ты задал мне вопрос – я предоставила ответ.

– А что же Земля? – не мог успокоиться Глеб. – Как ты думаешь, куда ей ближе – к светлой или же к тёмной яви?

– Я верю в то, что люди смогут пережить космическую Ночь, в которую они сами себя вогнали, и скоро выйдут из спячки, возликуют да восславят грядущий День.

– Почему?

– Недаром же мы, звёзды, спускаемся к вам, рискуя жизнями? Мы желаем вам помочь, расширяемся, в прямом и переносном смысле. Всё – ради вас, люди должны прозреть... ведь ты очнулся от забытья, сумел распознать меня, а те, у озера, и другие, гуляющие окрест, заметили они моё падение? По-моему, нет... но даже если один из сотни делается зрячим, то, значит, ничто не зря и не напрасно.

– Постой, а парни с мобильником? Ну, те, которые были уже пьяными, когда ты спустилась. Они тебя тоже видели и даже на камеру снимали! Правда, телефон у них больше работать не будет... Они зрячие?

– Нет.

– Как же вышло так, что они видели тебя?

– Всё из-за алкоголя. Их мозг был отравлен и почти не работал нормально, от этого механизмы, сдерживающие потоки восприятия, были разблокированы. Очень часто люди в наркотическом бреде общаются с полуявными существами – чертями, кикиморами, бесами, лешими и прочими. Если бы я правильно приземлилась, меня могли бы видеть только зрячие люди, которые без вмешательства сильных отравляющих веществ постепенно раскрывают собственный потенциал и начинают воспринимать новые измерения.

Глеб хотел спросить по поводу соседа – кем является Игнат? Зрячим либо же наоборот? Но вопрос не был озвучен – звезда нашла новый проход и вывела всю компанию на третьё небо, туда, где был «настоящий», астрономический, космос... космос, который люди пробовали изучать на протяжении всей своей истории.

Как упоминалось выше, Глеб представлял космические просторы не самым привлекательным местом, наивно полагая, что там пустота, мрак и холод, могучий и угрожающий свет звёзд... не таких звёзд, как Веденея, а таких, что состоят из газа, камня, пыли. Но он ошибался. Космос предстал чудесным разноцветным лугом, богатым на краски и заполненным до основания. Красные, голубые, зелёные, оранжевые (и так дальше по всему спектру) потоки энергий, недоступных обычному глазу незрячего человека, образовывали неповторимое полотно, написать которое под силу только гению с талантом вселенского масштаба.

Художники, поэты, музыканты – одним словом, все, кто занимается каким-либо видом творчества, – наверняка, бессознательно (или даже осознано) чувствуют, прозревают эти неповторимые пейзажи. Часто их спрашивают, откуда, дескать, тебе это приходит в голову, откуда ты это берёшь? А они в ответ пожимают плечами, смеются или же вовсе ничего не отвечают. Ответ же прост и, как всегда, лежит на поверхности – оторви взор от персти, от праха дорожного, хватит искать корм под ногами, погляди наверх, только сердцем гляди, душою и тогда сам во всём убедишься, сам всё поймёшь, и ненужными покажутся любые вопросы.

Игнат продолжал молчать и млеть. Со стороны чудилось, что он весь обмяк, никак не может отделаться от вялости, вмиг поразившей всё его существо. Так было на самом деле – сознание Игната рвалось на части и заново склеивалось воедино, неопишуемые изменения случились в самом его основании. Мозг, которому сделалось тесно в черепной коробке, ища способы определить комфортное для себя существование, дабы вместить всё то, что довелось изведать и при этом окончательно не разлететься на куски, переходил в иное качество и состояние.

То и дело, Глеб замирал от восторга и испуга. Вот прямо над ними пронеслась на невероятной скорости комета, прочертив длинный след, а вон там метеориты напоминают жужжащий пчелиный рой. Он посмотрел на солнце, по-настоящему, не страшась ослепнуть – на лунном луче было безопасно, его чары ограждали от всякого вреда. Ах, солнце! Океан огня! Бушующее пламенное море!

А луна – бледный диск, изрытый, ноздреватый, манящий. Однако небесная тропа, по которой они карабкались всё выше и выше, точно скалолазы, тянулась не от этого космического объекта. Он не ожидал подобного и задал соответствующий вопрос.

– Эти тела всего лишь отражения, – коротко пояснила Веденя. – Ведь и твоё физическое тело всего лишь искусственная оболочка, выращенная во чреве женщины, которую ты зовёшь своей матерью.

– Но разве моя плоть не является мной? – чуть не засмеялся Глеб.

– Нет. Ты есть дух, единица, составляющая мировую душу. Точно также, как капля служит малой частицей океана, твой дух принадлежит мировой душе.

– А что есть мировая душа?

– Это можно выразить одним простым и ёмким понятием...

– Каким?

– Род.

Некоторое время Глеб молчал, смакуя услышанное слово, очень старое слово, которое ныне предстало по-новому. Род. Сколько заключалось в этом понятии! Тут и все твои предки, и все твои потомки, бесконечная цепочка поколений! Тут тебе и Родина, и природа-матушка. Причём природа во всех её смыслах и толкованиях – живая и неживая, основа основ, ведь даже когда мы стараемся понять какую-либо вещь, какой-нибудь предмет, в действительности мы стремимся познать его природу, истинную сущность... Вот что такое Род. Хотя это понятие намного шире, содержательнее, глубже.

– А как же родители?

– Сказано же: ро-ди-те-ли – родят тело. Тело находится под прессом времени и пространства. А дух находится вне этих категорий, то есть он не имеет ограничений и не подвержен разрушению, видоизменению, старению. Дух изначален, простирается вне времени и вне пространства. И ты, прозревши сегодняшней ночью, затосковал по нему и попросился вместе со мной, – Веденя говорила спокойно и настойчиво. – Быть может, твои поиски увенчаются успехом, быть может, окажутся бесплодными, кто знает наверняка? Но я приняла тот выбор, который был сделан тобой. Ведь это твоя судьба, я не могу помочь, но и мешать не должна.

– Благодарю тебя! – с чувством промолвил Глеб. – Раз уж мы начали такой разговор, растолкуй до конца – родители дают тело, однако какова роль отца и какова роль матери в этом процессе, если мы сейчас опустим чисто физическое взаимодействие?

– Вслушивайся в слова родного языка! – ответила звезда. – Вот, например, «отец», а ранее сказали бы «отче» – от че. Че – честь, че есть. Че можно ещё назвать «чи» – отсюда «чистота». «Че» или «чи» – потоки жизненной силы, энергии. Отец является проводником души. Мать, матерь – она принимает иную душу в себя и вынашивает, придаёт ей форму. Матерь – материя, то есть та, которая создаёт плоть. Так мужчина и женщина вкупе соединяются, говоря иначе, совокупаются и родят тело, сосуд души.

– А что же такое душа?

– Соединяющая часть между телом и духом. Дух всегда вне времени и пространства, всегда Вовне, и чтобы попасть извне вовнутрь, ему требуется телесная оболочка, плоть. Дух управляет плотью, а инструмент, которым он это делает, называется душой. В сём заключается тройственность природы бытия.

– Хм, – задумался Глеб. – Душа выступает как пульт. Почему же тогда большинство людей ведут себя скотским образом? Получается, дух несовершенен.

– Напротив, – не согласилась Веденя. – Дух совершенен, ибо совершенна мировая душа. Ты лучше вспомни, что ваши учёные считают основой деятельности? Мозг. Но мозг всецело физическое понятие – полностью явный орган, доступный всем пяти чувствам, не так ли? Вот и ответ на твой вопрос. Большинство людей нынче не слушают своё сердце, через которое душа сообщает то, что требует дух, а даже наоборот – стараются заглушить свой внутренний голос якобы здравым рассудком. Когда душа не востребована, то человек далёк от собственного духа и потому является просто ходячим куском мяса, которому нужно справлять физиологические потребности. Если хочешь, можно сказать, что большинство людей живут на автопилоте, то есть сами собой не управляют, за них это делает мозг.

Глеб поморщился, как от зубной боли.

– Не спеши их презирать, – предостерегла его Веденя. – Таких людей, которые на автопилоте, стоит пожалеть и посочувствовать им. Для них жизнь – пустышка, скучная, серая и однообразная, какую работу они ни выполняли бы. Ничто не способно принести им удовлетворения – ни вкусная еда, ни увлечения, которые довольно быстро одно сменяет другое, ни разврат, в котором они тонут, желая заполнить внутреннюю пустоту.

– Я сам только что был таким же, – вздохнул Глеб.

– Для этого мы, звёзды, готовы звездопадом обрушиться с небес, лишь бы тепло вышних миров напомнило вам истинную суть вещей и отогрело заледеневшие сердца. Лишь бы вы могли слышать душу, чтобы дух достучался до вас, наконец, – серьёзно проговорила Веденя и замолчала, отыскивая в космическом пространстве очередную потаённую дверцу.

Глеб ещё не понял до конца, каким именно способом звезда определяет, когда нужно остановиться, чтобы перейти в новое измерение. Только потом уже он догадался, что лунный луч сам указывал направление – нужно было лишь уметь внимать знакам, щедро предоставленным со всех сторон.

Дверь скрипнула – впереди вновь открывалось нечто поразительное.

Борец

Новое пространство категорически отличалось от предыдущих, причём как внешне, так и содержательно. Оно не являлось совокупностью миров, не выглядело чем-то безмерным и необъятным. Глеб полагал, что чем дальше, тем шире, масштабнее, больше. Однако здесь мироздание, напротив, сузилось, хотя не утратило величественности и грандиозности. Вместо неисчислимых планет тут представился всего лишь один конкретный мир, чья живописность поражала воображение, а красочность в буквальном смысле слова ослепляла. Он никогда ещё не видел такого яркого неба, такого лазоревого океана, который был настолько прозрачным, что можно разглядеть фантастических чудовищ, покоящихся в глубинах на рельефном дне.

Луч простирался над дыбющимися волнами с белыми шапками и потому казался искрящимся волшебным мостом без опор. Трое шли по нему под завывание ветра, шум беспокойной пучины и непонятные крики многих голосов, наполняющих округу. Глеб не понимал, кто разговаривает меж собою, ведёт неясный диалог, а в лицо в это время ему периодически прилетали солёные брызги. Он ощущал дрожь идущего рядом Игната и сочувствовал ему – может быть, потому что сам впервые с начала путешествия вместо счастливой эйфории испытал страх. Лишь безмятежность шагающей впереди Веденеи заставляла отринуть все сомнения и постараться не отставать.

Над головой кружили птицы – как он уже догадался, необычные. Они были крупнее в разы, а от тел их исходило свечение, почти как у янтарной звёздочки. Только если звёзды блистали серебром, то от пернатого народа исходил различный блеск: например, от сокола, парящего неподалёку, было золотое искрение, от голубей на горизонте простекала синева, от ворона – багровые тона, от лебедей – белизна. Вдруг над странниками пронеслась с воплями огромная чайка – такая, наверное, Глебу пришлось в половину роста. На большой скорости она сумела сделать кувырок в воздухе, после чего её тело внезапно вытянулось, приняло человеческие очертания, а перья превратились в одеяния. Оборотень с хохотом упал в воду, уцепился за толстую рыбину, которая потянула его за собой, и исчез из виду. Тут же пронеслась по небу колесница, запряжённая лебедями, внутри неё находился статный благородный мужчина в роскошных одеяниях, которые напоминали средневековый костюм какого-то богатого вельможи. Мужчина этот вострубил в рог, оглашая окрестности короткими пронзающими звуками, и воздел меч, словно салютовал кому-то.

Такая труднообъяснимая игра местных обитателей вводила в замешательство двух молодых людей, но не звезду. Она обернулась, качнув головой – мол, чего вы встали? Идёмте дальше!

– Что это? – выдавил Глеб.

– У них своя жизнь, – просто сказала Веденея, точно отмахнулась от мухи. – Не обращай внимания.

– А где мы?

– В Птичьем мире. Четвёртый уровень бытия, или, как ещё говорится, четвёртое небо, если тебе будет угодно.

– Кто эти... э-э-э... существа?

– Птицы-оборотни.

– Та чайка... – Глеб с трудом мог объясниться. – На какую-то долю секунды она напомнила мне ангела... да-да, именно ангела, такого, который изображается, ну, знаешь, в святых писаниях...

– Ангел – это вестник, не так ли? Тот, кто носит весть.

– Да, верно.

– Так вот, жители Птичьего мира чаще иных по высшей воле спускаются в Явь, донося вести от богов.

Глеб понял Веденею, поэтому спросил о другом:

– Разве мы сейчас не в Яви?

– Уже нет. Мы миновали третье небо, космос. Теперь мы на пороге блаженного Ириясада, куда в итоге приходят все души умерших людей, животных, птиц и рыб.

– Это души так балуются? – Глеб понял, что его знобит при мыслях о чайке, о парящей колеснице.

– В прямом смысле слова перед тобой уже предстают переродившиеся создания, а не покойники. Все они когда-то жили в сумеречной яви, в том числе и на Земле. Все они жили и на небесной тверди.

Некоторое время торжествовало безмолвие. И вдруг звезда произнесла:

– Я устала.

Действительно, требовалась передышка: Глебу и Игнату – в большей мере для перенапряжённого сознания, Веденею – потому, что удерживать луч, постоянно цепляться за него, поддерживать не только для себя, но ещё и для двух человек, было совсем непросто. К тому же не каждому под силу продолжительное время терпеть нападку океана, плюющего солёными въедливыми каплями, дышать своеобразным воздухом и содрогаться всякий раз, когда безумевшая волна, уподобляясь взбешённому быку на корриде, норовит схлестнуться с тобой, поглотить тебя, поиграть, точно марионеткой, и выбросить.

Несколькими трудноуловимыми жестами Веденея направила лунную стезю так, что над скалистым утёсом она выгнулась почти вертикально. Глеб не мог поверить, что сможет взобраться по этому пути, что уж говорить об Игнате? Однако звёздочка без доли сомнения пошла вперёд, и им ничего не оставалось другого, потому что луч позади них продолжал неминуемо укорачиваться. Либо карабкаться ввысь, либо отправиться мерить глубину наипрозрачайшего и чистейшего водного пространства. Оказалось же, что луч будто притягивает стопы, магнитит, так что, при всём желании, пока ты находишься на серебряной кривой – тебе не угрожает гравитация и внешние воздействия. Глеб понял это только что, задумавшись о том, каким образом он дышал в космосе – как белом, так и чёрном? Луч оберегал... оберегал – оградил берегами.

Веденея первой спрыгнула на каменную поверхность с небольшим травяным покрытием и редкими цветочками, присела на валун. Тут же спустились её спутники. Немного отдышались, осмотрелись. Океан был повсюду, но где-то впереди виднелись плодородные земли, утопающие в зелени. Там светило солнышко, над путешественниками же нависли тучи, делалось хмарно и зябко. Проследив глазами за направлением взгляда звезды, Глеб понял, что та следит за исчезновением луча. Пока след не истаёт – им можно ни о чём не беспокоиться.

– Как ты смог увязаться за нами? – резко выпалил Глеб, повернувшись к соседу.

Игнат, постепенно успокаивающийся после пережитого, не отвечал.

– Как?!

– Он – зрячий, – чуть наклонив голову набок, спокойным голосом изрекла Веденею. Она будто пронизывала насквозь искрящимися очами, являя собой воплощение совершенно неземного, запредельного создания. – За пазухой носит пистолет. Хочет убить меня. Но здесь уже не Явь. Здесь, на границе, страшно, правда?

От её слов Глеб потерял дар речи. Первое желание, которое кровавыми лепестками вспыхнуло в мозгу, подобрать увесистый камень и ударить Игната. Размозжить его слащавое трусоватое лицо, на котором тёмные буравчики глаз не прекращали источать озлобленность. Но эти эмоции, это – всё плотское, земное, ума незрелость, а он теперь вне Яви, на самом рубеже. Нет-нет, такое здесь недопустимо, здесь птицы-оборотни, здесь живописная природа, кто-то блаженные места счёл бы за рай. Нет, не пристало осквернять ненавистью подобные

края; при том, что сама звезда до крайности невозмутима... но ведь она не шельмует, не врёт? Она же святая, окутанная сиянием, точно прозрачной тканью... нет, Веденея не такая!

– Меня послал он, – впервые с минуты совместного путешествия пролепетал Игнат.

– Кто он? – не выдержал Глеб, с трудом скрывая прорывающуюся наружу недоброжелательность.

– Он называет себя Гасителем, он носит странные очки, он научил меня видеть мир, он полубог... а может, бог...

Глеб удивлённо посмотрел на Веденею – мол, понимаешь, о чём он нам толкует?

– Всего лишь подлый змей, – не меняя позы, всё также наклонив головку, возразила звезда. – Гаситель звёзд – вот кто его начальник. Сущность, выползшая из тёмных кругов мироздания, из Праха.

– Но для чего? – спросил взволнованный Глеб.

– Он гасит звёзды, сошедшие с небес в мир человеческий, он поглощает небесный свет и сеет морок. Праху невыгодно, чтобы люди прозрели, стали просвещёнными. Гасители – их немного, но они вербуют таких вот олухов, – она кивнула на Игната, – и приобщают их к тёмному делу.

– Игнат, зачем?

– Он одержим, – просто и коротко объяснила Веденея. – Гаситель прельстил его разум. Нужно сопротивляться влиянию зла, только так можно обрести свободу.

И тут Игнат «взорвался».

– Да что вы понимаете, чёрт вас дери! Что вы – вы! – понимаете? Я его знаю с тринадцати лет! Он спас меня, избавил от умопомешательства! Кто вы такие, чтобы выносить свои долбаные суждения по поводу его и по поводу меня? А, Глеб? Где ты нашёл эту деваху? Кто она такая?

Глеб стиснул зубы, чтобы не поддаваться на явную провокацию. Веденеей можно было лишь восхищаться – её стать, уверенность, невозмутимость, готовность молниеносно принимать решения – всё это отчётливо прослеживалось при одном беглом взгляде на неё.

Игнат неожиданно расплакался. Шмыгая носом и размазывая по щекам слёзы, он громко всхлипывал, а потом заговорил с наболевшей скорбью:

– Я родился и рос в другом городе... после уже, когда стал взрослым и самостоятельным, я переехал и поселился по соседству с тобой, – он обращался в данный момент к Глебу. – Ты ведь никогда не видел моего отца, правда? А мать навещает меня редко, так? В детстве отец много пил... это теперь я понимаю причину его длительных загулов – он видел всех этих мелких тварей, бесов, домовых и прочую дрянь. Он думал, что бредит, но боялся признаться в этом кому-либо. Потому и пил, долго и помногу.

Глеб вопросительно взглянул на Веденею, пока Игнат зашёлся в приступе рыданий и не мог продолжить исповеди.

– Очевидно, – сказала звезда, – его отец не обладал естественной зрячестью, как ты. То есть его разум не созрел и не был готов к тому, что увидит. Вероятнее всего, ему достался дар против его воли – некоторые зрячие люди, колдуны или знахари, во время смерти не могут нормально расстаться с телом, душа огрузла, и ей тяжело. Чтобы облегчиться, они передают свой дар первому встречному, лучше всего, конечно, ребёнку, который находится ещё в материнской утробе. Беременным и детям нельзя быть в одном доме с умирающим человеком. Дар или проклятие – колдун способен вручить своё наследие любому, но дети и подростки восприимчивее других.

Игнат, будто не слушая звезду, смотрел в одну точку и, немного придя в себя, опять заговорил:

– Я тоже с детства видел разных смешных уродцев, которые для моих ровесников оставались невидимыми. Из-за этого сверстники меня не любили, не играли со мной. Но мне и

не нужно было их общение. Я мог целыми днями сидеть в своей комнате или на чердаке и заниматься с этими якобы воображаемыми тварями. Я для них будто служил проводником из того, выдуманного мира, в свой, человеческий, реальный мир. Если я позволял им, они могли брать предметы, управлять ими, но если запрещал – они подчинялись.

– Это от того, что дом – пространство искусственное, созданное человеком и для человека, – прокомментировала Веденя. – Окажись ты, например, в лесу или у реки, тебе пришлось бы слушаться тамошних хранителей – русалок, водяных...

– Однажды, – тут Игнат вздрогнул всем телом, – папа узнал, что я с ними общаюсь... как он ругался! С тех пор жизнь превратилась в ад. Мне нельзя было ни сказать лишнего слова, ни сделать чего-то, я всегда боялся быть избитым. Мама тоже боялась его. Всё чего хотелось, когда в очередной раз ставили в угол, поскорее вырасти, прекратить эту пытку детством. Я молился, в своём маленьком уголку, усердно, со слезами, и молитвы дали результат. Ко мне пришёл он...

Игнат подавил рвущееся рыдание, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

– Мы жили в старом деревянном доме с двумя этажами. Когда опускалась ночная темнота, могли мерещиться невероятные вещи... я верил, что мольбы мои рано или поздно будут услышаны! С полки упал журнал, открывшись на странице, где был нарисован мускулистый борец. Он заговорил со мной... да-да, картинка просто отделилась от листа и стала общаться. Он рассказал о том, что поможет мне, даст силу, только нужно доказать свою преданность, верность. Я стал беречь журнал, как зеницу ока, никому не показывал его, прятал, а по ночам обязательно перекидывался парой фраз с новым другом. Потом он стал являться и в других ипостасях – Мистик и Магистр. Он учил меня управлять необузданным ранее даром, учил различать окружающий мир. Без него я бессмысленно боролся с гнетущим сумасшествием, как мой отец. Мистик, Магистр, Борец – три образа Гасителя.

– Трёхголовый змей, – проронила как бы невзначай Веденя.

Игнат её вновь проигнорировал, не прерываясь ни на секунду:

– Тайные визиты Гасителя (его не мог видеть даже отец, не говоря уже о ком-либо другом) продолжались две-три недели, пока мама не уговорила отца пригласить священника... она просто не знала, как исправить всё то безумие, которое её окружало. Мой новый друг предупредил, что пришла пора показать, насколько важно для меня наше общение. Когда священник зашёл в мою комнату и стал монотонно тараторить, я подскочил и ударил прямо в лицо. Отец тут же отвесил мне в ответ... нет, не отвесил – размазал меня по стене, но я встал и снова бросился защищать Борца, который улыбался за моей спиной. Привкус собственной крови и полное безразличие к боли, это божественно, это незабываемо...

Луч, укорачиваясь, уже приближался к утёсу. Глеб с некоторым беспокойством по этому поводу бросал взгляды на Веденю, ожидая команды. Однако звезда продолжала хранить царственную безмятежность.

– Что было потом? – полюбопытствовал Глеб.

Глаза Игната будто покрылись изнутри матовой плёнкой, и он незряче посмотрел на соседа.

– Потом? – осклабился он. – Потом попа заменили психиатром. Меня кормили какой-то пакостью и пять лет держали на учёте.

Склонив голову, Игнат полностью погрузился в размышления, так что не реагировал на происходящее вокруг. Веденя жестом указала Глебу на лунную дорогу – пора уходить! Он же кивком спросил, куда они денут Игната. «Оставим!» – шепнула звезда. И чуть поколебавшись, Глеб с ней согласился. Его сосед был явно не в себе, что подтверждала поведенная только что история тяжёлого взросления и знакомства с Гасителем звёзд, к тому же известно наверняка, что Игнат работает против них, против Веденей. Уничтожить его каким-нибудь способом казалось совсем недопустимым вариантом – ни раньше, ни тем паче сейчас Глеб не сумел

бы убить живое существо. Веденя, вероятнее всего, тоже. Посему оставить Игната в Птичьем мире выглядело наиболее приемлемым выходом из сложившейся ситуации. Так будет лучше, а судьба сама решит, кому что суждено.

Веденя взошла на лунную тропу и, не оглядываясь, двинулась вперед. Глеб постарался поддерживать заданный темп. Ему показалось, что они удалились на достаточное расстояние и луч должен уже вот-вот испариться над утёсом. Как вдруг сзади донёсся хруст, сопровождаемый коротким вскриком. Веденя замерла, втянув голову в плечи, словно рядом с ней внезапно случился взрыв, а затем медленно повернулась всем корпусом. Испуганный Глеб, ловя каждое шевеление мускула на лице янносветлой звезды, сначала оценил её реакцию и лишь после того отважился обернуться. Из-за неожиданности он сильно струсил поначалу – в момент, когда всё это произошло, ему показалось, что нечто огромное врезалось и сотрясло луч или, как минимум, обрушился утёс, на котором они втроём отдыхали.

Но было всё совсем, разумеется, не так. Это Игнат, очнувшись за миг до критического укорачивания лунной тропинки, успел всё-таки запрыгнуть на луч, уцепиться за него, что было мочи. Поднявшись с колен, он победоносно улыбнулся Глебу и Веденее – не настолько я прост, чтобы так легко отделаться от меня!

Новь

Звезда отыскала следующую дверь, когда путешественники фактически упёрлись в небеса Птичьего мира. Это было очень странным – видеть, как разламывается одно пространство, а следом за ним, внутри провала, зияет новое измерение. Измерение, в котором живут ещё более непривычные создания. На сей раз из разлома в лицо хлынули потоки яркого света. Такой напор заставил Игната остановиться и защититься рукой, Глеб же просто прикрыл веки и не двигался с места, пока не услышал распоряжение, отданное звучным голосом.

– Идём! – призывала Веденя.

Совершив волевое усилие, он заставил себя переставлять ноги, которые, к слову, будто бы налились свинцом.

– Надо ускориться! Надо!

Игнат, как ни странно, тоже стал шагать по направлению к двери.

– Давай! – Веденя протянула Глебу руку. Однако даже коснуться её ладони, тонких изящных пальчиков, казалось за пределами его человеческих возможностей. Откуда навалился этот немислимый груз? В чём причина возникшей трудности, он не мог знать. Единственное, что разум готов был выдать, – это отчётливое предательское осознание того, что ещё чуть-чуть, и развяжется пуп от натуги или же тело попросту распадётся на атомы, на ещё более мелкие частички, так, что потом и всем богам вместе не собрать его...

Глеб, переполненный жгучим отчаянием, оттолкнулся от лунной дороги, сделал последний, почти невозможный, рывок и, наконец-то, преодолел те сантиметры, отделяющие его от звезды.

– Ну же! – она фактически втащила спутника на следующий уровень мироздания и немедля скользнула следом.

Свет, доселе всего лишь выжимавший слёзы из глаз, теперь полностью объял Глеба, проник в него, стал не только второй одеждой, но и второй кожей. И здесь лунный луч уже не спасал – напротив, серебряная стезя сама потерялась в повсеместном ликовании, неудержимом торжестве бесконечного и непрерывного полыхания. Рука, до которой дотрагивалась Веденя, теперь нестерпимо ныла, необъяснимая сила изнутри выворачивала плечевой сустав, выламывала его, выдираала.

Он опустился на твердь под ногами (сложно было назвать её землёй, однако другого термина для обозначения подобного человек не мог найти). Взор, полный муки и отчаяния, враз пронзившего всё существо, метался из стороны в сторону – подстреленный зверь ищет укрытия, ищет способа уйти от безжалостных охотников, идущих по кровавому следу. Повсеместный свет, ураган света, бездна света и ничего иного. Но вдруг... вдруг вдали он увидел темень, кромешную, беспробудную мглу, дремучий мрак, где можно было надеяться на спасение, на прибежище от безжалостного всполоха.

Глеб побрёл туда, медленно-медленно, потому что на скачок, которым можно было бы перемахнуть добрую половину расстояния, попросту не хватало сил. И тут перед ним стрелю пронёсся знакомый силуэт. Всё происходило будто в горячечном бреде и воспринималось искажённым, фантазмагорическим, иллюзорной игрой света и тени. Вот, к примеру, фигура, пробежавшая мимо, по очертаниям напоминала человека, разглядеть которого было нельзя, потому что он был весь чернильно-чёрным – вернее сказать, облитым чернилами. За собой он оставлял соответствующего цвета полосу, как в небе самолёт оставляет белую черту. Полоса постепенно пропадала, смываемая всепоглощающим светом, точно грязь под быстрыми потоками воды. Глеб принял это за плод воспалённого сознания и не придавал большого значения, пока Веденя не сказала:

– Игната засосала тьма.

– Игната? – воскликнул изумлённый Глеб. Он ни за что не различил бы в чёрном силуэте своего соседа.

– Да.

Тут Глеб взглянул на свои ладони, на живот, на грудь – внутри его тела, сделавшегося отчего-то полупрозрачным, находилась серая густая жидкость.

– Что со мной?

– Не переживай, – поспешила утешить звезда. – Ничего страшного. Всего-то лишь стало теперь видно, чего в тебе больше – света или мрака. У Игната вообще всё черным-черно, его, видишь, как магнит иголку, на ту сторону затащило.

– Мне как-то нехорошо, – вымолвил Глеб, встав на месте.

– Я, если честно, совсем не понимаю, как ты до сих пор жив, – искренне призналась Веденя. От этих слов лицо Глеба перекошилось, даже боль на некоторое время отошла на второй план.

– Что это значит?

Веденя мило улыбнулась.

– Ну, понимаешь ли, мы сейчас на пятом небе, одном из высших уровней мироздания, здесь способны обитать только нематериальные, полностью развоплотившиеся сущности. Не существа, а сущности. Понимаешь? – и она наморщила лобик, вопросительно взглянув прямо в глаза, точно больше всего в жизни её волновало, чтобы собеседник уразумел смысл.

– То есть... – Глеб бухнулся на твёрдую поверхность, – то есть я умер, что ли? Ну, раз я там, где нет вещества и материи, значит, я тела лишился, по-твоему?

– Да нет же! – Веденя чуть ножкой не топнула. – Ты расстаёшься с плотью в этот самый момент!

– А-а-а! Теперь ясно! Я-то гадаю, от чего мне поплохело – от виски ли, который ты превратила в чай, или от усталости, а тут делов-то! Всего-навсего расстанусь с собственным телом!

– Ага.

– И чем данный процесс закончится, позволь узнать?

– Ну, тебя... э-э-э... не станет, скорее всего...

– А как же ты?

– А что я? – удивилась Веденя. – Я соткана изначально из света, рождена светом, излучаю свет всеми порами, я, если разобраться, никогда не имела плоти в человеческом понимании. Для большинства людей я только вспышка, яркая точка на небосводе. Это тебе одному посчастливилось узреть меня.

– И впрямь, – пробубнил Глеб, рассматривая ногти на левой руке. – Счастье аж девать некуда.

– Да не переживай! – подмигнула Веденя. – Есть способ сбереечь твою суть в том виде, в котором мать родила. Подай длань!

Не колеблясь ни единого краткого мига, он протянул ладонь. Звезда взяла его за кончики пальцев и, закрыв очи, замерла в напряжении. Через пару мгновений взор Глеба заволокло серебристой дымкой. Единственное, что он чувствовал, – это как по жилам разливается огонь, как пламя проникает в центр его сущности и оттуда начинает вытеснять тьму и холод. Болезненные ощущения понемногу угасали, пока не потухли вовсе. Мозг, который проклюнулся наружу, завибрировал с удвоенной силой, сделался более податливым, готовым воспринимать новые грани реальности.

Веденя выпустила его руку из цепких объятий. Пелена рассеялась, а перед глазами предстал великолепный мир, преисполненный всяческого изобилия и богатства. Яркий свет, застилавший взгляд, оказался не чем иным, как веществом, из которого здесь всё было построено и возведено. Ранее Глеб просто не мог увидеть ныне открывшихся чудес потому, что сознание не

обладало достаточной гибкостью, широтой и глубиной, которые сейчас приобрело, благодаря стараниям Веденеи.

Уподобляясь пчёлам, двигались сонмы блистательных созданий – они напоминали в чём-то человека, однако казались гораздо совершеннее, лучистее. Они не ходили – порхали, не говорили – слова грубы, а мысль изящнее и полнее, красочнее и понятнее. Они не испытывали страстей, ведущих к пагубе, но были преисполнены сияния и света, сочащегося сквозь каждую клеточку. Глеб посмотрел наверх и ахнул, разглядев вздымающийся грандиозный столп, который венчал громадный диск солнца с сотнями лучей. Это ему напоминало то ли гору, из-за которой кажется светило, то ли дерево с гигантской золочёной кроной, то ли исполинскую мельницу.

– Зри воочию! – возрадовалась Веденея. – Перед тобой – Пресущная гора, остов и хребет Вселенной!

– Гора-а-а? – протянул восхищённый Глеб.

– Люди по-разному описывали сие, – улыбнулась звезда. – Кто-то остов именовал горой, на вершине коей обитают небожители, всеильные и прекрасные. Кто-то утверждал, что остов – Мировое дерево, чья крона служит домом богов. Так можно долго и много перечислять, но в том не станет больше правды. Правда же в том, что пред тобою – Истинное солнце!

– Я думал, что солнца остались в космосе.

– Нет! То лишь маленькие копии, отражающие лучи Истинного солнца. Понимаешь? Вот откуда зарождается жизнь! Вот где источник бытия!

– Ишь каково... – только и смог выговорить Глеб.

Однако его привлекла сгущающаяся вдалеке мгла, притянувшаяся и пожравшая Игната.

– Что там?

– Тень Мирового древа, – ответила Веденея. – Всё пятое небо поделено надвое – светлая навь и тёмная навь.

– Я думал, Навь лежит ниже, а мы-то всё время поднимались...

– Слово «Навь» обозначает нефизический, неявный мир. Это понятие применимо и к обозначению одного из великих уровней бытия, и к понятию бесплотного существования (например, душа, покинувшая тело), и к определению места сосредоточения враждебных сущностей. По сути всё, что за пределами Яви, – есть Навь, которая распадается на Правь и Прах. Здесь, на пятом небе, Правь и Прах сливаются воедино.

– Соединяются, но не взаимопроникают, – заметил Глеб. – Если говорить о нави, не как об уровне бытия, а как о способе существования, то светлая сторона – светлая навь, а тень Мирового древа – тёмная навь, да?

– Да. В светлой нави отдыхают от материального воплощения души праведников – видишь, они купаются во свете, ласкающем и насыщающем их? В тёмной нави пребывают души преступивших божественный уклад. Для них свет губителен, поэтому они ждут часа, когда их внутренняя тьма избудет себя.

– И что тогда?

– Тогда они перейдут в светлую навь, а оттуда, как и все, поднимутся на седьмое небо, в сердце Ирия, где получают новые уроки и новые воплощения в разных мирах.

– Вот как? Я полагал, что свет и тьма несовместимы, и, избрав одно состояние, к другому путь закрыт.

– Нет-нет, – покачала головой звезда. – Все возвращаются туда, откуда прибыли. А источник для всех един.

– Истинное солнце, – Глеб очарованно взглянул ввысь.

– Да, – кивнула Веденея. – Пятое небо – это место, где замыкаются великие уровни бытия, становясь целым. Здесь происходит очищение и омовение.

– Иначе я представлял себе чистилище!

– Вы на Земле всё представляете иначе. Раньше разумнее были – хотя бы понимали, что к чему.

– «Раньше» – это ты имеешь в виду времена, когда мир представляли плоским?

– Ещё раньше.

– Это когда же?

– Когда льды не пожрали ваши земли...

– До ледникового периода, что ли? – глаза у Глеба полезли на лоб.

Звезда не подтвердила его догадку, но и не опровергла. Немного помолчали, после чего он заинтересовался:

– Тут, значит, праведники, там, в тени, грешники, которые в итоге присоединятся к праведникам, да? Какой-то круговорот душ в природе получается.

– Так Навь становится Новью. Так на смену одному поколению приходит следующее.

– И как же? Всем уготовано спасение?

– Всем уготовано по мере их свершений. Представь себе – ты троичен: есть дух, что изначален и обитает вне времени и вне пространства, есть тело, что ограничено временем и пространством, вследствие чего подвержено старению и смерти, а между ними – душа. Дух, сотворив тело, отправляет его в искусственную среду, дабы набраться неопенимого опыта. Тело, как было сказано, ограничено временем и пространством, ибо в искусственной среде иначе невозможно, по этой причине у тела есть потребности. Чтобы не отвлекаться от главного, тело оснащено органом, справляющимся с удовлетворением этих потребностей самостоятельно, – мозгом. Однако тело создано для собирания сведений, опыта, знаний – для этого духу надо направлять его, а это уже осуществляется посредством души. Когда ум сопряжён с душой, он называется разумом. Эта связь также именуется сознанием. Сознательный человек всегда в поиске чего-то. Но он не всегда правильно поступает. Чтобы правильно поступать, нужно иметь не только связь между телом и душой, но и связь между душой и духом, а это уже называется совесть.

– А что же, если связь нарушена и работает в одностороннем порядке? – задал вопрос Глеб.

– В случае отсутствия связи с духом, человек ставит себя на ступень выше остальных и без зазрения совести эксплуатирует всех, кого только может. Его сознательная деятельность узка и тупа, носит болезненный характер, но таковы большинство сегодняшних людей Земли. В случае отсутствия связи с телом, душа не доносит команды духа, и тогда тело остаётся работать на автопилоте – таких людей принято называть бездушными, у них ни совести, ни сознания. Они хуже животных. К сожалению, в вашем обществе их тоже немало.

– Бывает такое, что дух общается с телом напрямую?

– Бывает, – ответила Веденя. – Но такие люди тоже бездушны. У них нет сознания, но есть совесть. Однако это их не спасает. Они действуют слепо, учат любви, ничего о ней не зная. Это лживые учителя. Слепцы, прельщающие идти за собой по краю пропасти.

– Только три компонента вместе дают нужный результат, – задумчиво промолвил Глеб.

– Верно. Когда связь между духом и телом происходит в нужной последовательности, всё так, как нужно. Это есть сознательная совесть. То, благодаря чему даруются ключи от любой двери.

– И сколько же надо человеку воплотиться в Яви, чтобы когда-нибудь воссоединиться с духом?

– Ровно столько, чтобы прийти к сознательной совести.

– Непростая задачка, а?

– Непростая, но разрешимая. И тому есть множество примеров и подтверждений. На Земле уже побывало большое количество истинных духовных учителей и наставников, сумевших пройти сложный извилистый путь.

- А что удалось одному человеку, когда-нибудь сможет осилить другой...
- Правильно, – Веденя обнажила ряд белоснежных зубов. – Именно так из Нави получается Новь. Через пот и слёзы.

Потомки

Глеб, захваченный в плен собственной бурной фантазией, позабыл уже и о дурном самочувствии, и о боли, испытанной в момент пришествия на пятое небо, и обо всём остальном. Экзальтированный, он с утроенной силой возжелал слиться с духом, стать целостным, стать единым с чем-то безграничным, великим, божественным.

Веденея, будто бы видевшая всех насквозь, шурилась и покачивала головой – внутри у неё, очевидно, происходил сложный спор, конца которому пока не предвиделось. Глеб походил на маленького ребёнка, не понимающего ничего, но жаждущего всего и сразу. Ну, куда, куда ты пойдёшь? Ты и без того взгромоздился настолько высоко, что дрожь проберёт любого здравомыслящего человека, осознающего своё положение. Иные тысячелетиями пестуют душу, торят шаг за шагом тропочку, чтобы не свергнуться обратно в невежество, ибо чем выше, тем устойчивее и надёжнее. Однако это иные, а ты же... ты зараз запрыгнул под потолок и теперь мечтаешь оседлать крышу... Сумасброд! Невозможный сумасброд! Почему только тебя выдумало небо, почему?

О, что это? Неужели ты завидуешь смертному человечку, могучая ясноветлая звезда? Ты – небожитель, ты та, что живёт под самым солнцем и воочию зрит восхитительные лики высших богов... ты, мнящая себя одним из лучших творений во Вселенной, потому что привыкла приносить себя в дар, безвозмездно озарять свод бытия, не смея требовать чего-то в награду. О да, ты лучше миллиардов других творений – даже не творений, а тварей, ты ясна, чиста и прельстительна... и вот уже балансируешь на грани разумного и мерзости, развёрстая пропасть гордыни готова поглотить тебя, как поглотила бесчётные тысячи твоих сородичей. Кто этот человек, пробудившийся два-три часа тому назад? Почему он так действует на тебя? Неужели это ещё одно испытание? Неужели хитрая, замаскированная рожа бесовского отродья скалится из-под вуали простоты и глупости?

Нет, она не позволит спровоцировать себя. Слишком мала наживка, чтобы попадаться на удочку. Нет-нет, не то. Она отпустит, поглядит, в чём же заключается его предназначение. Зачем же нужно звезде камнем да в жернова? Только лишь из гордыни, из стремления к чистому подвигу – в этом-то и подвох, в придании сему предприятию некоего ореола святости, которая, впрочем, при детальном исследовании превращается в мираж, в пшик, в порочную лживость. Экую одурь пользует морок! А для чего? Затем, чтобы Прах, миры мёртвой материи, завладели бы звёздным светом и сутью. Эта вредоносность вылезает наружу оттого, что в Глебе много тьмы, оттого, что Игнат присутствовал рядом значительный отрезок времени. А тут, в высших сферах, много не нужно – никакой защищённости, всё мягко и податливо, слов нет, общение и действие происходит посредством эмоций.

– На пятом небе обитают могущественные создания, – промолвила Веденея. – Зачастую встречаются боги, причём совершенно разных сословий.

– Боги? – со взрывным восторгом переспросил он, не решив ещё, каким образом реагировать на полученные сведения.

– Многие имена их вы у себя позабыли, позабыли о них самих. А между тем, независимо от того, насколько коротка память людская, богами своими держится мироздание и вся жизнь ваша, и не только ваша.

Глеб насутился:

– Упрёк принят.

– Не к тому веду! – отмахнулась Веденея. – Здесь, помимо душ, помимо богов, нередко находят себе приют Потомки. Вот у них-то ты можешь просить помощи, чтобы подняться на шестое небо, в мой мир.

– А ты... уже поняла, что я хочу пойти дальше? – несколько сконфузился Глеб, словно чадо, уличённое в шалости.

– Трудно не заметить, – хмыкнула звезда. – У тебя же на лбу всё написано.

– Почему просто нельзя мне подняться следом за тобой, по лучу, как раньше?

– Свет пятого неба едва не погубил тебя, дурья голова, а на шестом небе живут звёзды, которые беспрестанно сражаются с тьмой. Ты либо сгоришь, либо утонешь во мгле.

– Почему же?

– Потому что ты человек! – Веденея повысила голос.

Глеб зажмурился, медленно разжал веки и неожиданно заметил, что цвет её волос переменялся.

– Ты порусела?

– Всегда такую была.

– Но я видел тебя рыжею!

– Это из-за проживания в сумеречной яви. Там нужно постоянно бороться с одурью и уметь различать полуявь. Когда ты в сумерках от рождения рос, нельзя доверять собственным очам и тем паче полагаться на них.

– Главного глазами не увидишь, зорко одно лишь сердце, – усмехнулся он.

– Верно! – Веденея посмотрела на него с воодушевлением, как учитель, поверивший в способности ученика. Однако Глеб решил не обнадёживать спутницу и сразу же признался:

– Это цитата. «Маленький принц» Экзюпери.

– Хвала небесам, я-то уж было подумала, ты сам это.

– Ну что ты...

Она улыбнулась в ответ на его иронию.

– Вернёмся к нашим ба... – Глеб заикнулся на полуслове, успев сообразить, что выражение, которое чуть не вылетело из его уст, может показаться оскорбительным, особенно в измерении, где обитают боги, полубоги, души и мало ли кто ещё. – Так... кхм... мне нужно найти некоего Потомка, да? Кто это вообще? О чём просить его? И нужно ли будет как-то расплачиваться за услуги?

Откуда-то со стороны послышался забавный густой мужской голосок, который(самое поразительное!) обладал окающим волжским говором:

– Да вы, батенька, как посмотрю, вовсе бестолковый!

– Ась? – Глеб оглянулся, однако никого не заметил. И лишь по взгляду Веденеи определил нужное направление, чтобы смочь выхватить взором из местного постоянно трансформирующегося и мельтешащего пространства плотную коренастую фигуру.

Патлатый мужичонка с вьющейся русой бородой стоял вполоборота к нему со звездой и ждал чьего-то появления на бескрайних широтах, не придавая меж тем большого значения душам, нескольким птицам-оборотням и другим. Русская народная одежда смотрелась на нём очень естественно, без намёка на вычурность и чудаковатость. Особенно выделялась красная праздничная рубаха и красные же сапоги – точно сотканые из языков пламени. Пояс его был сплошь в увесистых полных мешочках – один из них прохудился, и оттуда по одному выпадали пшеничные зёрна.

– Прошу прощения, – проговорил Глеб, но его бесцеремонно перебили:

– Счас, небось, спросит, кто я и по какому праву вмешался, – глухо хохотнул мужичок, обращаясь к Веденею.

– Можете со мной напрямую разговаривать, – Глеб не скрывал недовольствия.

– Ах так? – мужичок даже как будто бы удивился. – Благодарствую.

– Это Кострубонька, – шепнула на ухо спутнику Веденея. – Дождается супругу свою – Кострому.

– Кострома же – город!

Мужичок возвёл очи горе, тяжело вздохнул:

– Сам ты город! Кострома – мать колосьев. Боги, боги...

– Пойдите! Вы мне про древнюю богиню толкуете? – воскликнул Глеб.

– Ужели уразумел? – с поддёвкой сказал Кострубонька. – Ежели у вас там с памятью худо, это совсем не означает, что мы древние или молодые. Ты всё карабкаешься ввысь, с духом алчешь слиняня. Да ведомо ли тебе, что для сего надобно? Надобно материю свою отринуть. Ты хоть понимаешь, что будет, коли материю отринешь? Такое состояние называется – смерть, то бишь смена мер тел. Ты уже нежив, раз здесь стоишь передо мной, но и не мёртв, ибо тьма в тебе ещё колышется.

– Пока можно вперёд двигаться, назад не поверну, – твёрдо заявил Глеб.

– Ба! Ну, ты погляди на барана! – нисколько не стесняясь, произнёс мужичок, хлопнув себя по колену. – Ежели тьму внутри себя полностью избудешь, ничто тебя уже тянуть вниз не сможет, но и сущность свою ты утратишь. Не оборотиться в человека, каким был до сего, понимаешь? Все люди через Навь в Новь произрастают, через Навь над собой возвеличиваются, возвеличиваются над материей, а ты вон чего захотел – одним махом, одним скачком на верхушку Вселенной взлететь! Э, нет, братец! Не пойдёт! Ты – бестолочь.

Глеб нахмурился, отвернулся. Горло сдавливала жестокая обида, обида въедливая; на языке возник привкус желчи, и смысл слова «огорчение» в этот миг был всецело усвоен. Уняв первый порыв, он опять встал лицом к мужичку.

– Дырявый мешок я один тут вижу?

– Что? – хором удивлённо спросили Веденя и Кострубонька. Звезду слишком занимали собственные рассуждения, второго же тяготило ожидание встречи. Они действительно не заметили прорехи. Души, повсеместно снующие, игнорировали тех, кто не считался порождением их мира, во всяком случае, первыми не шли на контакт, куда к ним лично не обратятся.

Кострубонька смешно завертел головёнкой, обнаружил дыру и раздосадовано вымолвил:

– Ай-ай-ай! – он наклонился, пытаясь подобрать зёрнышки, а под ногами у него вечно живое пространство представало то лесной лужайкой, то бескрайним полем, то трещиноватой землицей, иссушенной ветрами.

– Хватит! – мужичок хлопнул в ладоши, и бесконечные метаморфозы вначале замедлились, а потом и вовсе прекратились на непродолжительный срок. Однако за этот отрезок времени всё уладилось: Кострубонька извлёк из складок одежды свирель и мелодично заиграл на ней – тотчас, откуда ни возьмись, набежало целое стадо муравьёв (таких крупных Глебу никогда не доводилось видывать ранее), которое, как солдаты по приказу главнокомандующего, кинулись исполнять задание. Разумные насекомые ловко и сноровисто сновали туда-сюда, складывая просыпанную пшеницу в карман рассеянного полубожка. Кострубонька, когда труд завершился, отвесил помощникам поклон: «Благодарствую!».

Через мгновение «замороженный» участок отмер, вновь закружился вихрем таинственных перевоплощений, а муравьишки то ли исчезли, то ли разбежались, то ли слились с местностью в череде её трансформаций.

– Что же? – Кострубонька посмотрел Глебу в глаза. – Мы с Костромой отвечаем в твоём мире (и не только твоём) за плодородие, за достаток, чтобы Мать Сыра Земля родила, насыщаем её собственной жертвой.

– Жертвой?

– Кострома и Кострубонька олицетворяют всю силу плодов Матери Земли, – поспешила разъяснить Веденя. – Но чтобы год был урожайным, добрым, они приносят себя в жертву – обнявшись, шагают в костёр. В древности в их честь люди мастерили и сжигали чучела, чтобы настоящих богов уберечь. Теперь же люди так не делают.

– Но и мы с Костромой в иной костёр ныне шагнём, – вымолвил Кострубонька. – В огонь вселенский, в живой, жизнь родящий – шагнём в Солнце!

– Солнце?

– Да, в Истинное солнце, единое на все небеса и все круги, единое для Прави, Яви и Нави, – мужичок указал на самую крону Мирового древа, на вершину Пресущной горы.

– На седьмое небо идёте? – почему-то обрадовался Глеб.

– Точно! И несём с собою все семена, какие токмо есть. Пусть солнечная сила умножит всходы, пусть из жара, в котором куётся бытие, взойдёт стократ больше урожая.

– Это сколько же живительной энергии выплеснется? – не то испугалась, не то изумилась Веденя.

– Сумеречную явь захлестнёт, – спокойно заверил Кострубонька. – Так что, юноша, сколько бы гадости ни было в вашем мире, для тех, кто душою светел, улучшения неизбежны.

– А что будет? – с чувством спросил Глеб.

– Возликует природа, заколосятся поля, взлелеет живая сила посыпанные пылью и прахом души, взрастит тепло и довольствие в них. Смахнёт человечество дремотную пелену, различит новые краски, облобызает природу-матушку. Провозгласят возрождение! Одарённости будут находить, не успеют те на свет появиться, и окружать заботой да ласкою. А дальше по цепочке, и да начнётся День! День, озарённый Истинным солнцем! Многовековой праздник жизни!

Глеб зажмурился от удовольствия, представив широкие леса и поля, зеленеющие, дышащие легко и свободно, без гнёта и эксплуатации со стороны человека, представил богатые просторы, которые сами желают накормить всё живое, отдать свои дары и сотворить новые. Представил он расцвет природы, прозрачные реки и океаны – такие, как в Птичьем мире. Представил доброту людскую, чистые и открытые лица, улыбающиеся от души, без натуги и надуманного лицедейства, без ломаного кривляния и сволочного цинизма. Вот расцветут-то души, отворятся двери в неизведанное, таланты засверкают созвездиями, придут гении, каких ещё не случилось... Благоденствие!

– Да токмо вы всё равно всякое начинание замараете, будь на то воля, – хриплый голос Кострубоньки вернул его в колючую реальность. – Сколько уже было таких – людей, и богов, и полубогов, рвущихся повернуть души к лучшему. Если души не хотят, их никак не заставить. Глаза не раскроются, зрелище не покажется. А попытать счастья надобно... обязательно... всенепременно надобно. Благодарность мою прими за подмогу. Не совершился б обряд, не будь всего в целости у меня. Вот-вот Кострома подоспеет!

– Да не за что, – Глеб не знал, как реагировать на похвалу, тем паче от бога. И хотя этот бог смотрелся не лучше и не хуже кого бы то ни было, непередаваемая мощь скрывалась внутри него и незримо проливалась вовне, вызывая трепет и восхищение, желание бухнуться пред ним на колени, прикоснуться к нему. Однако Глебу неизвестным способом удавалось сдерживать глубинные порывы и оставаться самим собой. Другой на его месте и Веденю счёл бы за божество, да и самую мелкую нечисть возвёл бы себе на пьедестал, как тот чернокнижник, что атаковал по глупости лунный луч.

– Помогу и я тебе, – меж тем продолжил Кострубонька. – Ты спрашивал давеча, кто такие Потомки?

– Угу.

– Ведомо ли тебе, что все люди – потомки богов, от Света идут и к нему возвращаются? Те, что осознали смысл сего и прониклись им, более не подвластны веществу и материи, они сами ими повелевают – строят собственные миры, управляют ими. Потому их называют Потомками богов – теми, кто придёт после, а пока только учится складывать кубики, чтобы создавать мироздание. Здесь, на пятом уровне, живут не только души и боги, но и Потомки и другие большие сущности. Ты хочешь взойти на шестое небо, под самый купол свода, думая, что там обрящешь дух. Ты готов жертвовать плотью. Что же? Знаю того, кто подсобит тебе. Кто-то

нарёк его Алхимиком – потому, что он научился мастерски обращаться с веществом и переводить его из одного состояния в иное. Это то, что тебе надобно.

– Где мне найти Алхимика? – с готовностью спросил Глеб. В чудесном измерении он не чувствовал усталости, голода и других привычных для человека слабостей – вероятно, оттого, что Веденея влила в него сквозь пальцы несколько капель собственного, звёздного, света, чтобы тёмная навь не утянула его, как утянула Игната.

– Вон там, – Кострубонька указал в сторону нескончаемой ночи, противостоящей беспрерывному дню, на территории которого они сейчас все трое находились. – Его терем на порубежье горит серебром и блистает, аки драгоценность, не перепутаешь.

– Это нельзя! – закричала вдруг Веденея. – Для тебя это чистое самоубийство! Моими стараниями ты кое-как выжил здесь, но туда за тобой я не пойду, ибо погасну! Чернота растворяет меня! Смилуйся!

– Я не зову тебя за собой, – сказал Глеб.

– Но и тебя растворит!

– Не обязательно, – покачал головой Кострубонька. – Пограничье всё-таки. Хотя, если тьма перевесит, так и сгинешь, пикнуть не успеешь...

– Постараюсь удержать равновесие.

– Одержимый! – взывала Веденея. – А если там Игнат подкараулит? У него маузер! И там он сильнее будет!

– Вот за Игната я совсем не переживаю! – Глеб даже улыбнулся.

Кострубонька замахал руками:

– Давай, давай! Меньше слов, больше дела! Тут такие просторы – болтовни не терпят! Души вон, не разжимая рта, беседуют, а мы растрещались, как кумушки на базаре! Собрался – иди вперёд, нет – отступай! Да поживее!

Глеб кивнул.

Азбука

– Увы, я не обладаю достаточными возможностями, чтобы долго ждать, – вздохнула Веденея, когда они стояли неподалёку от черты, отделяющей день от ночи. – Увидишь три ярких вспышки – знай, звезда в небе, ступила на лунную стезю и вот-вот покинет этот край. Беги тогда сюда, что есть сил, авось успеешь ухватиться за кончик лучика.

– Я понял.

– Удачи!

Кострубонька остался там же, где и стоял. У богов, какого ранга они ни являлись бы, свой счёт минутам и годам. Для человека вечность, а для божеств – мгновения. Когда Глеб направился к пределу света, он продолжал твердить, что скоро подоспеет Кострома. Но что значило «скоро» в его понятии – можно лишь догадываться. Во всяком случае, богиня плодородия не предстала пред ними, и даже приближение её ничем не предвещалось. Однако Кострубонька всматривался вдаль, сквозь сонмы душ, иных творений, сквозь полыхание и хмарь. И спорить с ним было бы очень глупо.

Тень Мирового древа, занимавшая, по убеждениям Веденеи, ровно половину всего пространства пятого неба, отдавала манящей прохладой, покоем и сном. Звезда предупредила своего спутника, чтобы он не расслаблялся, был начеку и не доверял мороку тёмной нави, ибо всецелый покой – есть гибель, прохлада способна обернуться морозом (коротко «мразом», отсутствием тепла души), а сновидения в каждый миг могут замениться на наваждение, насланное нечистой силой, желавшей пополнения в рядах бесчисленных легионов. Всё это звучало грозно и сулило немало трудностей, сопряжённых с большими опасностями. Однако отступить Глеб уже не посмел. Зажмурившись, шагнул в неизвестность – и дело с концом.

Нет, твердь не взбудоражили ужасные толчки землетрясения, гром не разломил небосвод пополам, не грянула буря, и жиденькая молния ни разу не сверкнула. На дороге не обнаружилось ни огромного камня с указателями, ни отрубленной головы великана, ни разрытых могил, ни крестов. Одним словом – ничего. Наверное, это и есть – небытие, в котором томятся до конца вечности те, кто пошёл супротив уклада мироздания.

Перед ним внезапно проявилась серою лентой дорожка, извивающаяся не хуже змеи. Знак, который невозможно не понять и не воспринять. Глеб побрёл по ней, однако продолжал настороженно озираться. Кто-то вдалеке непрерывно клекотал, скрёбся, шуршал, вздыхал и охал. При этом окрест никого не обнаруживалось. Неожиданно, шумно и молниеносно пролетали то слева, то справа чёрные вихри. Каким-то чудом Глебу посчастливилось остаться в стороне – иначе бы закружило да унесло прочь, в неизведанное, и уже никто не спас бы. В голове у одинокого путника несколько раз проносились мысли о неразумности затеи, в которую он сам себя втравил. Но посыпать голову пеплом теперь было слишком поздно, к тому же, никакой пользы это не принесло бы, а наоборот, усугубило положение дел.

Одним из условий пребывания в Тени являлось поддержание равновесия между внутренними тьмой и светом. Посмотрев на собственное полупрозрачное тело (к такому нужно ещё привыкнуть!), он отметил, что тьмы прибавилось. Глеб начал судорожно представлять самые добрые и лучистые моменты в своей жизни, но позитивных изменений не случилось. Тогда он воспроизвёл в памяти образ Веденеи до последней чёрточки и волосинки. Милое личико звезды одарило его улыбкой, подмигнуло, прищурилось – на сердце стало спокойнее и гораздо теплее, воображение отменно справлялось со своей задачей. Внутренней тьмы поубавилось. Но порассуждать об этом не довелось, так как впереди вырисовались хрустальные хоромы наподобие терема или миниатюрного дворца.

Он сверкал серебром, как новогодняя ёлочная игрушка, особенно резко контрастируя с повсеместным запустением и мглой. Не было ни забора, ни ограждения – заходи просто

так, любой встречный да поперечный! Приблизившись, Глеб встал у стены, огляделся – куда дальше? С живым любопытством отметил, что в хрустале терема серебро ведёт себя точно живое – переливается, струится, горит ярко и самозабвенно, перетекает. Тут тебе и почувствуется, что это здание – живой организм со своей кровеносной системой, со своими артериями, венами, капиллярами. Дотронешься рукой – резонирует, колыхнется, как будто от тихого, едва уловимого, дыхания вздымаются и сокращаются бока дивного зверя.

Да могут ли хоромы сии в действительности быть неким существом? Припомнилась сказка об избушке на курьих ножках, которая и передвигаться могла, и голос человеческий не только слышала и от животного да птичьего рыка и клёкота отличала, но и понимала, исполняя отданные приказы. А что, если?..

– Встань ко мне передом... – завершить чудодейственную фразу Глеб не смог по двум причинам. Во-первых, не было никакого леса, во-вторых, некто вышел из хором на крыльцо. Распознать сразу неизвестного человека (человека ли?) вначале казалось проблематичным – в частности из-за того, что облачился он в одежды чёрного цвета и потому сливался с Тенью Мирового древа.

Глеб попробовал окликнуть его:

– Извините! Я хотел только...

Незнакомец медленно повернулся на голос, и от увиденного внутри у Глеба всё сжалось. Отвратительная морда с остекленевшими, налитыми кровью глазами в упор взглянула на него. Багровые толстые губы – выпячены, широкие ноздри, из-за которых почти не видно короткого носа, жадно втягивали воздух (хотя был ли воздух на пятом небе в том смысле, в каком понимают его на Земле?). Тёмно-зелёная дряблая кожа, лоб с глубокими бороздами морщин...

С каждым мгновением страх перед этой омерзительностью возрастал, а вместе с ним – и внутренняя тьма. Глеб хотел бы убежать, но Тень Мирового древа проявила своё магнетическое свойство – ноги будто увязли в трясине, пространство сгустилось, наполнилось чем-то липким и вязким – должно быть, подобным образом ощущает себя муха, попавшая в варенье. Ужасно представить себе, что души, когда-то пошедшие наперекор Свету, постоянно и в несколько раз сильнее переживают такое состояние. Невольно он посочувствовал Игнату, который, хоть и сознательно исполнял приказы Гасителя звёзд, всё равно не заслужил столь жестокой участи.

– Да угомонись! – со смехом сказал хозяин терема, снимая маску. – Это только харя бесовская!

Седой, но не старый, крепко сбитый мужчина с пронзительными серыми глазами улыбнулся Глебу и подозвал взмахом.

– Ух ты! – поняв, что гостю трудно сдвинуться с места, он сошёл со ступенек и потянул его к себе. – Что дрожишь, как осиновый лист? Тут страха не прощают, вон, засасывает пучина. Ну, можешь шевелиться?

Глеб распрямил плечи, размял внезапно заочковевшие члены, которые вновь сделались послушными.

– Ты же не из тех, кому здесь велено бысть, – окинув взглядом путника, заключил повелитель серебряного терема. – Дело пытаешь, али от дела лытаешь?

– Дело пытаю, – вымолвил Глеб. – Мне понадобился некто Алхимик.

– Какого лешего он тебе понадобился? – мужчина нахмурил густые брови.

– Кострубонька направил...

– А кто это?

Тут Глеб растерялся и проблеял в ответ что-то невразумительное, повеселив незнакомца.

– Хорошо, – хозяин отворил дверь и пригласил гостя.

Ради интереса Глеб заглянул через порог. Всё искрилось и сверкало белизной, которая слепила после пребывания в Тени. Свечение напрямую исходило, по-видимому, от стен, так

как все вещи обладали какой-то особенной мрачностью – будь то стол, шкаф или большие часы с маятником. Они были сделаны из дерева и покрыты чёрным лаком, но не наружность, а внутренняя составляющая заставляла чувствовать себя неуютно в окружении этих предметов.

– Заходи.

– Мне нужен Алхимик, – повторил Глеб.

– Ну, так заходи! – прикрикнул мужчина, потеряв заросшую синюю щетиной щеку. – Я тот, кого прозвали Алхимиком.

Собравшись с духом, Глеб ступил под блистающий купол. Изначально просторное помещение было захлавлено и потому выглядело меньше, чем на самом деле. Стопки книг, беспорядочно сложенные, где придётся и как придётся, служили и подставками, и тумбочками, и частично компенсировали недостаток стульев, которых, кстати, имелось всего лишь два – на одном стоял какой-то сосуд бордового цвета, на втором сидел за столом сам хозяин. Карты, распятые кнопками на боковинах шкафов, а также скрученные в трубочку или просто неровно сложенные, – присутствовали повсюду. На столе царил полная неразбериха – листы с какими-то расчётами и чернильными кляксами, перья для письма лежали рядом с шариковыми ручками, простыми карандашами, мелом, фломастерами, красками. Зловещим мог показаться безобидный череп, на который капала воском толстая белая свеча, прикрепленная к теменной доле. Часы с совой (да-да, вместо кукушки довольно часто выскакивала сова с громким «ух-ху») казались важным атрибутом неповторимой атмосферы серебряного терема.

Мощная винтовая лестница, находящаяся прямо напротив дверного проёма, привлекала внимание и уводила куда-то вверх. Наверняка, что-то любопытное имелось там, на верхних этажах. Но по взгляду Алхимика стало понятно, что о запретном лучше даже и не помышлять. Спорить с Потомком богов, о котором сами боги (во всяком случае, бог плодородия) отзывались, как о могущественном умельце перевоплощений, было бы, по крайней мере, не разумно. Поэтому Глеб отбросил всякие глупые фантазии и заговорил о том, для чего, собственно, явился сюда.

Алхимик внимательно выслушал пришельца и покачал головой.

– Ты не выживешь. После того, что я с тобой сотворю, тебе не выжить. Застрянешь на пятом уровне бытия и не сдвинешься с места. А оно тебе надо? Каждая душа радуется жизни только потому, что способна видоизменяться, расширяться, сжиматься, постигать непознанное, в познанном отыскивать невероятное. А ты не сможешь, ты застрянешь либо развоплотишься... абсолютно.

– Нет абсолюта, – Глеб сам не знал, зачем выпалил пришедшую на ум фразу, и посему поспешил добавить: – Если только не обратимся к философии Гегеля, но там, как мне кажется, речь идёт об основе основ, то есть о Господе. Имеем ли право мы судить о Нём?

– Нет, конечно же, – отрезал Алхимик. – А ты любишь рисковать, правда?

– Чего же, – несколько нервно передёрнул плечами Глеб.

– Садись! – Алхимик убрал со стула сосуд, смахнул тряпочкой пыль, а сам устроился за столом, откинувшись на спинку с потрескавшимся и уже отслаивающимся лаком.

Усевшись, Глеб чуть не подпрыгнул, когда из часов выскочила сова с неожиданным оглушающим уханьем, чем вызвал улыбку Алхимика. Всё-таки он не такой уж и сверхчеловек, этот хозяин серебряного терема. Как бы то ни было, словосочетание «Потомок богов», наверное, обязывало к чему-то более эффектному и чудесному, непредсказуемому и парадоксальному, нежели то, что представилось ныне. Или всё специально упростили – дабы облегчить восприятие несовершенному человеческому сознанию, неготовому воспринимать запредельное?

– Вот смотри, смельчак, – с нескрываемой насмешливостью промолвил Алхимик, поставив на край стола прозрачный стакан. Затем он взял склянку с тягучим концентрированным веществом и пояснил: – Здесь, в этой посудине, я держу кусочек Тени, окружающей нас.

– Как можно держать темноту в посудине? – спросил Глеб.

– Тьма и свет, холод и зной, дерево и огонь – всё это вещество, пребывающее в той или иной форме. Форма – не имеет значения, главное постичь суть материи, вещества, тогда выходишь за рамки привычного мироощущения.

– Становишься вещим? – Глеб вспомнил из школьного курса литературы «Песнь о вещем Олеге» Александра Пушкина.

– Нет, – возразил Алхимик. – Вещий – прозревает вещество, проникая в его суть, он всецело в нём разбирается, но остаётся в пределах его. Я же нахожусь вовне, хотя неразрывно с ним связан. Когда-нибудь я обрежу эту пуповину, оборву эту последнюю ниточку и поплыву в безграничность, как корабль, снявшийся с якоря и спешащий затеряться в океане...

Проговаривая это, Алхимик смотрел сквозь своего собеседника, словно полностью отдался некой идее, всецело владеющей его рассудком. Звенящая тишина повисла в зале, но беспокойное «ух-ху» вырвало их из круговорота мечтаний.

– Понимаешь вещество – понимаешь, как с ним работать, – быстро сказал хозяин терема, будто спешил наверстать потерянные секунды молчания. – Вот это – экстракт темноты, который настаивался столетиями.

– Что?

– Ах да. Тут время течёт иначе. Тысячелетие спрессовывается в час, а час растягивается до нескольких веков – пяти-семи, может, десяти. Не боишься тратить со мной свою коротенькую жизнь на болтовню? Ведь ты наверняка выйдешь из моего скромного жилища либо древним стариком, либо трёхлетним мальчиком, либо вообще не выйдешь.

Глеб ужаснулся, желудок превратился в сжатый комок, сдавило виски... Однако выражение лица Алхимика придало уверенности – слишком уж неестественное злорадство, сочетающееся с участливостью. Нет, он нарочно напускал страху, в очередной раз испытывая прочность.

– Поздно горевать, коли уже случилось, – ответил Глеб.

Алхимик усмехнулся и продолжил, взяв другую колбу.

– Вот – сосредоточенный свет, – он добавил золотящуюся жидкость в тот же стакан. – Тьма и свет в равных пропорциях, правда? Нет ничего, просто две субстанции. Добавим немного ещё темноты и... что у нас?

Чернота, налитая сверху, обтекла свет, заключив его как бы внутри себя. При этом золотистая прослойка этого необычного «бутерброда» нисколько не повредилась и не изменилась.

– Полюбуйся, – Алхимик был доволен собой. – Вот так чисто схематически выглядит средний человек, если его разложить «по полочкам». Почему тьмы больше? Исходное равновесие двух противоположностей, благодаря которому зарождается жизнь, усугубляется в пользу тёмной стороны грубыми потребностями, страстишками, так сказать.

– Страстями? – Глеб с трудом верил в происходящее прямо перед ним, а ушам своим так и не доверял вовсе – мало ли что там послышится.

– Ими самыми. Слово «страсть» включает в себе три образа. «Стр» – в данном случае «стра» – означает движение, перемещение по пространству. Ну, вспомни однокоренные слова – страна (простор для ходьбы, бега, селения), странник (тот, кто ходит из страны в страну), страница (чтение – это же ведь путешествие, приключение, где каждая страница – как отдельная страна).

– Понятно, – кивнул Глеб, проникая мыслью в речи Алхимика. – Это первый образ. Какой же второй?

– Второй образ – «ст». Тут тебе и «столб», и «стол» со «стулом», и «стан», «стоянка», «стойка», «стакан». «Ст», как видишь, означает либо замедление, либо полную остановку. В разбираемом нами понятии это означает остановку в духовном развитии.

– Почему именно в духовном?

– На это указывает оставшийся нерасшифрованным образ буквы «ерь», которую ты привык называть мягким знаком. Мягкий знак сегодня для тебя и для тех, кто подобен тебе, ничего не выражает, кроме смягчения слова для правильной передачи особенностей произнесённого. В древности же, когда твой мир располагался в светлой яви, а не в сумеречной, каждая буква носила сугубо индивидуальный образ, который обладал множеством трактовок. Ерь – может служить указателем на принадлежность к духовной сфере.

Глеб был поражён сделанным открытием. В памяти тотчас всплыла старославянская азбука:

– Аз, буки, веди...

– Да-да-да, – перебил его Алхимик. – Это остатки первобытного знания, которые, впрочем, насколько мне известно, ни твой народ, ни тем более другие не удосужились сбересть. Вернёмся к расшифровке. Что в ходе раздумий мы имеем? Стра-ст-ь – перемещение останавливается духовно. Вот тебе буквальное разъяснение.

– Буквальное, – Глеб заново взглянул на привычное слово, почувствовал его. – Буквальное – разложенное по буквам! То есть каждая буква содержит тысячи образов! Как китайский иероглиф!

– Китайские иероглифы оставь китайцам, – отмахнулся Алхимик. – Мы говорим про буквы.

– Постой! – Глеб изумлённо вытаращил глаза. – Откуда ты знаешь про Землю, про страны, про письмо?

– Я сам когда-то жил там, на Земле.

– В самом деле?

– Ага.

– А здесь ты давно?

– Ты забыл, что я говорил про время?

– Прости. Ты прав – земными мерками нельзя мерить, когда находишься не то что за пределами Земли, но и за пределами самой Яви.

– Верно. Время – особенное состояние Вселенной, и в каждой её точке оно своеобразно.

Возле окна, за которым клубилась Тень Мирового древа, стоял мощный телескоп. Алхимик кивком указал на него:

– Иногда я наблюдаю за Землёй отсюда. Мне хочется, чтобы она вновь всплыла на поверхность из сумерек.

– Возможно ли такое?

– Всё зависит от землян. Надо вспоминать им старину и своими руками строить свою жизнь, а не насиловать природу и не стремиться всё компенсировать роботами и прочей техникой.

Они помолчали. И опять часы заставили вернуться к действительности.

– Значит, страсти заставляют человека тормозить своё развитие и убавляют свет в нём, – подытожил Глеб.

– Об этом ещё Будда учил, сие знание не ново. А теперь гляди, – Алхимик долил золотящейся жидкости в стакан, опустошив колбу.

Света достаточно увеличилось, чтобы ситуация переменилась – и тьма оказалась замкнутой внутри. Всё смешалось воедино и стало сверкать, напоминая золотое яичко из народной сказки. По стакану побежали трещины.

– Мой гранёный стакан ничем не отличается от тех, какими пользуются на Земле, – молвил Алхимик. – То есть обычная материя. Как видишь, обычной материи проще держать наполняющую её тьму, нежели свет. Свету тесно внутри, он рвётся наружу, желает стать всем, распространиться, расшириться. Тьма действует наоборот – она свёртывается в клубок (недаром же есть выражение «клубится»), она хочет пожрать всё, окутать, сокрыть, из великого сделать

малое, из большого сделать ничтожное, то есть уничтожить всё. Лелей в себе тьму – и станешь жить припеваючи. Свет дарит, свет тонок, малозаметен из-за этого, проникает в глубину. Тьма – забирает, наращивает, обрастает украденным, обволакивает по верху – поэтому тьма поверхность. Не проникай в глубину, будешь жить припеваючи. Потребляй, не производи!

Стакан с хрустом лопнул, разлетевшись стеклянным крошевом – меленьким, как песчинки. Светлое и чёрное выплеснулось наружу и пролилось на пол. Однако по одному властному взмаху Алхимика и золотистая жидкость, похожая на солнечный луч, и концентрированная мгла взвились вверх и зависли над столешницей, потом расцепились и пронеслись по воздуху каждый в свою колбу.

– Каким же образом свет держится в этой склянице и не крушит её? – задал вопрос Глеб, прищурившись.

– Эта скляница соткана не из материи, а из энергии.

– Являются ли тьма и свет – энергиями?

– Безусловно.

– Значит, человека в первую очередь наполняют энергии, одна из которых, тьма, потворствует материи?

– Сама материя – есть сгустившаяся энергия, – чуть ли не выкрикнул Алхимик.

– Вот! Об этом я и прошу!

– О чём?

– Переведи моё тело в тонкое измерение!

– Для этого в тебе должен увеличиться свет, а это ведёт... сам видел к чему. Взорвёт тебя, как мышшь, обожравшуюся сыром.

– Нет! – настоял на своем Глеб. – Не наполняй меня светом искусственно. Насильственное просвещение – губительно. Стакан лопнул лишь потому, что ты работал только с его содержанием, но не с ним самим. Переделай мою оболочку прежде, чем изменишь во мне пропорции первобытных энергий.

Алхимик как-то странно посмотрел на него, потом уткнулся губами в плотно сжатый кулак, словно поспешно размышлял о чём-то.

Внезапно под то же уханье всё той же совы он подскочил и, браво взмахнув, гаркнул: «Попробуем!».

Занавески

Невероятный ураган чувств, небывалое вдохновение и азарт захватили Алхимика в плен. Новый вызов наполнил его каким-то доселе неизвестным смыслом, о котором он не догадывался почему-то раньше. И эта поразительная новизна преобразила мысль, заставила её встрепенуться от полузабытья, которое возникло благодаря слепой уверенности в обладании практически всеми ценными знаниями. Но тут его гость, этот никчёмный человек, бывший два-три часа тому назад бестолковым слепцом, не прозревшим своего пути, вдруг нащупал то, чего не доводилось до сего момента.

Алхимик засуетился, забегал по помещению – то к книжным шкафам, откуда без сожаления ссыпал на пол ненужные свитки и фолианты, то к сундукам, из которых вытряхивал наружу различные предметы. По велению единого жеста возник колдовской котёл по центру залы, как будто перенесённый сюда из какой-то детской сказки о злой волшебнице. Глеб с растерянной улыбкой смотрел на происходящее – его не мог не удивлять тот антураж, создаваемый хозяином терема, те декорации, используемые им. Всё это мнилось пережитком прошлых человеческих воплощений, случившихся до того, как Алхимик перешёл в ранг Потомка богов. Часы с совой, котёл, подобие псевдонаучной лаборатории и многое другое – всего лишь отголоски далёкого прошлого, к которому он, тем не менее, тяготел, без которых не представлял себя, словно дерево немислимо без корней.

От сильных эмоций Алхимик даже смачно чмокнул Глеба в лоб и заставил его этим действием смутиться. Гость отчего-то ощутил неловкость момента, неудобство за то, что он нагружает своими проблемами, но более всего-то потому, что дарит то, чем, по сути, не обладает, – уверенность в нечто запредельное, которая с преобладающей долей вероятности может не оправдаться. Глеб жестоко упрекнул себя – сулить свершенья он не вправе. Однако предпринятая затея раскручивалась всё быстрее – кипело варево в котелке, по комнате метался вихрь, размётывая старые записки, Алхимик совершал таинственный обряд, мелом расчерчивая пол, на улице как будто началась гроза и беспрестанно ухала сова, выпрыгивая из часов. Сдержат дерзкий замысел теперь практически не представлялось возможным.

– Отведай-ка! – хозяин серебряного терема зачерпнул в котле зелье большой ложкой с длинной ручкой, которой он помешивал отвар. Глеб опасливо отхлебнул дымящейся жидкости бурого цвета. Сперва она почудилось без вкуса и без запаха, но через пару минут во рту появился ароматное сладкое послевкусие. Человек с трудом переборол могучий порыв попробовать добавки, для этого потребовалось мобилизовать всю силу воли.

– Обожди, – сказал Алхимик. Он, не скрывая любознательности, рассматривал своего гостя, как учёный-экспериментатор испытуемого в ходе проведения сложного и увлекательного опыта.

Изменения приключились в течение десяти-пятнадцати секунд, причём все сразу. Внутри полупрозрачного тела взбурлила тьма и закружилась смерчем, отвоёвывая у света каждый миллиметр. В итоге плоть расплзлась вширь, сделалась почти бесформенной, затем – подтянулась, собравшись заново, обросла шерстью и тёмной чешуёй с корявыми роговыми наростами. Глеб не видел в тот момент своего лица – должно быть, это и к лучшему, ведь он едва не сошёл с ума от грязной скукожившейся кожи на ладонях. Дыхание его стало подобно тяжёлому дыханию дикого зверя, которое прорывается наружу вместе с отвратительными хрипами, булькающими звуками и утробным урчанием. Догадываться о гнусности раздавшейся хари, заменившей лик, можно было лишь по периодически прорывающемуся хрюканью и выпирающим из-под нижней губы маленьким, но острым клыкам.

– Что ты творишь?! – попробовал воскликнуть Глеб, однако вышло нечленораздельное бляенье.

– Да ты не рыпайся! – осёк Алхимик. – Для чёткого исполнения плана необходимо вывести всю тьму, какая только в тебе есть, на поверхность. Понимаешь?

Глеб утверждающе закивал огромной непропорциональной башкой, нормально говорить – не получалось.

– Пойдём за мной! – позвал Потомок богов.

Вместе они спустились по лестнице в подвал, где свечение также исходило от самих стен. Здесь не имелось ничего – ни гобеленов, ни картин, ни украшений в виде рогов или хотя бы простенькой незатейливой лепнины. Нет – голые стены, якобы сложенные из изумрудно-зелёного кирпича, и некий загадочный проём в полу, напоминающий двустворчатую дверь. В действительности же это оказалось большим окном, а мнимые створки – чем-то вроде штор, которые Алхимик, наклонившись, раздвинул в разные стороны.

И там, в окне, то есть внизу под ними, открылся чарующий вид ночного звёздного неба. Только звёздочки были крохотными светящимися огоньками, а не яснысветлыми духами, к которым принадлежит Веденя. Примерно такими же нам видятся звёзды с Земли.

– Это даже не космос, – любовно произнёс Алхимик. – Это второй уровень бытия – небесная твердь. Точнее, один из миров тверди. Мой мир. Созданный мной.

Глеб неясно промычал в ответ.

– Ах да! – усмехнулся Алхимик, словно отогнал прочь придвинувшиеся грёзы. – В таком... м-м-м... животном состоянии, мой друг, ты не способен оценить прекрасного. Отойди к стене!

Скомандовав, Алхимик распахнул окно, прорубленное в полу серебряного терема, надел перчатку и перегнулся через раму. Он схватил звёздочку средних размеров и, натужно побрякывая, втащил её в подвал.

– Нужно её растворить в ключевой воде, а после выпить, – вытирая выступившую испарину, сказал Алхимик и закрыл ставни.

Изображая улыбку, Глеб оживлённо хрюкнул.

– Но, прошу прощения, мой друг, это слишком лёгкий вариант решения проблемы, – внезапно продолжил Потомок богов. – Я оставлю тебя здесь, в темнице, до тех пор, пока сюда не забредёт невинная душа и не полюбит тебя в этом дурном и опоганенном обличье!

Он разразился злорадным хохотом и в тот же миг испарился.

– Прощай! – Алхимик возник на лестнице, за несколько сотен шагов от Глеба, и запер единственный выход отсюда.

Юноша, превращённый в чудовище, беспомощно заметался по подвалу, который столь неожиданно стал одиночной камерой. Он стучался в двери, колошматил по стенам, глухо рычал и храпал с присвистом. Отчаявшись и почти лишившись всяческих сил, Глеб приготовился к тому, чтобы разбить окно в полу и прыгнуть вниз – будь что будет! Он не собирался быть игрушкой в чьих-либо руках. Веденя вряд ли сможет войти под Тень Мирового древа и сразиться с Алхимиком, чтобы спасти его. Кострубонька попросту не станет этого делать. Более не приходилось ни на кого рассчитывать. Но оставаться пленником всемогущего самодура он не соглашался.

Стоило лишь разбежаться для прыжка, как между ним и окном ниоткуда появился хозяин терема.

– Постой! – закричал Алхимик и выставил вперёд раскрытую ладонь. – Ты что удумал? Я же пошутил! Вот, выпей! – он протянул стакан с искрящимся напитком, который держал в левой руке.

Глеб, хотя и замер на месте, всё же недоверчиво посмотрел в лицо тому, кого считал союзником.

– Я не обманываю, – честно проговорил Алхимик. – Тогда я всего лишь пошутил... ну, подтрунивал над тобою! Жаль, нет у тебя чувства юмора... ладно-ладно, это у меня нет чувства

юмора, я переборщил, прошу прощения! Достаточно? Успокоился? Пей теперь! А то, покуда ты в тёмном образе, с тобой и поговорить-то толком невозможно!

Юноша зараз проглотил снадобье и сразу же видоизменился – приняв вначале свою естественную, данную при рождении, внешность, он постепенно стал преображаться. Отсекалось лишнее и ненужное, сглаживались изъяны, пропадали шрамы и другие отметины на теле, исправлялся сколиоз, прояснилось зрение, прочистились слух и дыхание, ушли всяческие боли и недостатки. Он стал светиться изнутри каким-то белым благодатным сиянием, уподобляясь, наверное, Веденее и иным янсносветлым духам-звёздам. Однако затем последовало нечто непредсказуемое – свет увеличился, приумножался с большой скоростью, в мгновение ока сияние перехлестнуло его, поглотило. Глеб растворился в безграничном океане собственного блеска. Было одновременно хорошо и страстно, ломко и притягательно – зыбкое и убаюкивающее пространство. Вдруг громадная рука ворвалась в обволакивающий кокон и, схватив его, поволокла наружу. Глеб даже пробовал сопротивляться, хотя, полусонный, он на деле лишь безвольно барахтался, умилённый собственной благодатью.

Алхимик вернул испытуемого в исходное местоположение – в подвал своего странного жилища. «Борись! – громыхал он в самое ухо, периодически встряхивая за плечи. – Ты – отвратительная склизкая жаба, ты живёшь в тухлом смердящем болоте! Ты – ущербен! Ты – мразь!». Полились совсем отборные и грязные ругательства, какие только можно было придумать. После таких слов любой нормальный человек чувствовал бы себя, словно на него вылили ушат вонючей жижи. Как ни удивительно, Глеба это тонизировало, помогало ему вернуть власть над сознанием, вышедшим за пределы допустимого.

– Шваль! – не прекращал Алхимик, возвращаясь опять к простым оскорблениям.

– Хватит! – Глеб ударил его в подбородок. – Я в порядке! В порядке!

Охая, хозяин терема опустился рядом на пол:

– Ты чего меня саданул?

– Да за такое прибить мало!

– Будет тебе! У нас же получилось!

– Ась?

– Посмотри на себя! Ты, конечно, не доведён до совершенства, но утончён теперь – это факт!

– И смогу дальше пойти?

– Да кто его знает? – пожал плечами Алхимик, вздёрнув бровь. – Наверное, и в горние пределы способен будешь подняться.

– Веденей! – с именем звезды на устах Глеб сорвался с места и пулей помчался наверх по лестнице, к телескопу, чтобы посмотреть, загорелся ли вновь лунный луч. Небесная дорога означала бы, что путешествие должно продолжаться, причём безотлагательно. Глеба чрезвычайно волновало – успел ли он измениться или опоздал?

С удовольствием и долей удивления отметил, пока преодолевал преграды и расстояние, что двигаться стало намного легче и проще. Будто пропал вес тела, а вместе с ним и всякое физическое воздействие различных природных сил, от которых зависим простой человек. Он почти летел, едва касаясь ступнями пола. Алхимик следовал чуть позади, стараясь не упустить его. Глеб припал к окуляру и... облегчённо вздохнул – бескрайний мрак от Тени Пресущной горы, более ничего. Получается, что Веденей всё ещё где-то там, в светлой стороне дожидается его! Ничего пока не поздно!

– Рановато беспокоишься, – заметил Алхимик, встав за спиной. – Да и нельзя тебе пока что идти сквозь тёмную навь, угаснешь вмиг. Окрепни, отсидись.

– А как же...

– Никак! Особенно, если ты сгинешь, – отрезал Алхимик. – Отсидись, олух.

Глеб прислонился к стене и тихонько сполз вниз, сник, посуровел.

– Не кисни, а то потухнешь! – энергичным неунывающим голосом сказал Алхимик. – Пошли в подвал, покажу своё детище.

– Нетушки! – отрицательно замотал головой Глеб.

– Да не пугайся ты! Не стану больше подшучивать!

Пока они вдвоём неспешно возвращались по коридорам и комнатам в подвал, хозяин серебряного терема говорил много и интересно:

– Суть Потомка богов заключается в том, чтобы построить собственный мир. Это для того, чтобы постичь смысл акта творения на новом, сверхчеловеческом, уровне. По-другому невозможно будет встать ещё выше. Иначе выражаясь, Потомок богов – это человек, продолжающий своё развитие в энергетических телах, то есть без грубой материи продолжает существовать, не как плоть, но как разум, сознание. Поэтому делаем вывод, что за пределами плоти – жизнь более сознательная и разумная.

– Хочешь сказать, что мы с тобой сейчас общаемся не как обычные люди, но как телепаты? Не размыкая губ? Но я же вижу, как искривляется твой рот от неудовольствия и радости!

– Ты с плотью расстался уже давным-давно, как только покинул Явь! Сейчас всё то, что созерцаешь, творится лишь в твоём сознании, вернее в рамках твоего разумения, которое мы битый час стараемся расширить настолько, чтобы ты смог пройти за своей путеводной звёздочкой на шестое небо Вселенной.

– Ответь, а Вселенная – конечна?

– Вся площадь Вселенной меньше твоего единого перста! – с чувством произнёс Алхимик. – Поставь на белом ватмане простым карандашом точку – вот и будет наша Вселенная со всеми галактиками и метагалактиками. Всё в ней сосредоточено, и нет в ней ничего, ибо она – пустота, бездонная тьма. И во тьме той, абсолютно чёрной (такой черноты ты не видывал отродясь), разливается белый свет (и белизны подобной ты никогда не видел). Свет тот преломляется сквозь бриллиант и, так красуясь в каждой многомиллионной грани, Он распадается на лучики, которые своей игрою создают иллюзию. А забита Вселенная или нет – подумай сам. Поставь ударение иначе, и будет звучать не «вселенная», а «вселённая», то есть заселённая, забитая под завязку. Даже там, где тебе кажется, что жизни нет, жизнь есть. Вот парадокс. Повсюду бел-свет.

– Дух! – воскликнул Глеб.

– Зови как хочешь, хоть Великой Соборной Душой, хоть Духом.

Они сошли по отполированным ступеням, приблизились к окну, прорубленному в полу. Алхимик раздвинул занавески. Сейчас Глебу почудилось, что представшее зрелище совсем переменялось. Нижележащее небо переплело неживые звёзды в другие узоры, расставило их в ином порядке. А там, за ними, проглядывалась твердь – ровная, с ковром сочных трав, как стол, покрытый зелёной скатёркой.

– Пока мы с тобой дурака валяли, в моём мирке века минули! – вздохнул Алхимик. – Видишь фигурки? Это мои живцы прорастают.

– Живцы?

– Так я называю тех, кто мир мой должен будет заселить. Понимаешь, когда Потомок богов создаёт свою планету, он как бы вкладывает в неё свою душу, то есть сам как бы ею становится. Однако плод его останется напрасен, если души различных существ, которыми полнится Вселенная, не заселят новоиспечённый мир. Таким образом, на новой планете появляется новая жизнь. Потомок богов как бы берёт кураторство над теми, кто слабее и младше его, ибо он достиг высокого уровня, а они ещё нет.

– Души, обрядившись во плоть, заселили планету, в которую Потомок богов вложил собственную душу, а что дальше? – любопытствовал Глеб. – Для чего всё?

– Потомок богов на правах старшего брата должен обеспечить им такой уклад жизни, чтобы никакое зло не смогло коснуться их душ. Это совместная работа и Потомка, и тех, кто

его мир заселил. Сообща они сражаются с Прахом, мёртвой материей, с Навью, и либо выигрывают, либо нет. В случае проигрыша мир скатывается в Прах, жизнь там напоминает ад – все злы, агрессивны, там больше и чаще рождаются убийцы, маньяки и злодеи.

– А в случае выигрыша?

– Мир остаётся на втором уровне, то есть на небесной тверди, или поднимется и прекратит своё существование, ибо все его обитатели распределятся по вышним пространствам – кто-то в Птичий мир, кто-то сюда, на пятое небо в светлую навь, кто-то к ясным светлым духам.

– А Потомок богов куда идёт?

– Да кто же знает? – усмехнулся Алхимик.

– Чем же Потомок отличается от бога? Например, от того же Кострубоньки?

– А тем, мой любезный друг, что функции бога, самого, казалось бы, простого, гораздо объёмнее. Деятельность Потомка распространяется лишь на один мирок, а деятельность бога – на всех, на множество миров или даже на всю Вселенную. Боги гораздо выше, чем ты себе способен представить.

– Чего же твой мир не заселили души? – простодушно спросил Глеб.

Алхимик прищурился.

– Я попросил у вышних сил право самому создать существ, которые населили бы моё творение.

– И тебе разрешили?

– Да. Но с условием, что мои существа должны качественно отличаться от уже имеющих. Я пока что в стадии разработки, потому и зову их живцами.

– Чем же живцы качественно отличаются?

– Увы, пока что бьюсь над разрешением этой задачи.

– Пустое ль? Нет?

– Возможно. Ну, а вдруг?

– А терем твой – живой?

– Он первый мой эксперимент в этом направлении. Состряпать новую биологию – пустяк, насытить её разумом – вот в чём загвоздка. Выдумать новое несложно, сложно, чтобы оно само продолжало развиваться. Развитие – обязательное условие. Кто не развивается, тот не разумный, то бишь не способен самостоятельно жить. Живцы мои похожи на всходы – растут, как трава, да остаются овощами.

– А что ж ты терем свой поставил в тёмной нави?

– Здесь тише, а на свету – столько разных кишмя кишит. Тут, конечно, тоже не протолкнуться, но их хотя бы Тень скрадывает и гасит звуки голосов.

– Почему же именно пятое небо тебе понадобилось? Почему не шестое?

– Тут лучший обзор, тут обитают могущественные сущности... да и проще здесь как-то. Здесь как бы затишье, тёмные перетекают в светлое, светлые утекают ввысь – и всё. В других же областях – житьё не столь безропотно. Тут ни у кого нет миссии, сверхзадачи, в отличие от прочих уровней бытия.

– Ой, не пора ли мне к Веденее? – встревожился Глеб. – Отпустишь?

– Ступай! – согласился Алхимик. – Надеюсь, ты сможешь не раствориться во мгле. Только иди и не оборачивайся – ни на шёпот, ни на скрежет, ни на зов! Иди и не оборачивайся! А то ног не унесёшь!

– Прямо как в сказке!

– Я полагаю, ты уже уверовал во всё возможное и невозможное! – усмехнулся Алхимик.

– Ещё бы!

Змеище

Проходя сквозь стылую черноту, Глеб непроизвольно привлекал внимание местных обитателей, обладающих малоприятной наружностью. Когда он только шёл в поисках Потомка богов, то не наблюдал всей жути потому, что не мог ничего разобрать в кромешной тьме. Теперь же он сам излучал свечение, которое, как выяснилось, дарило не одну лишь радость, но и раскрывало весь потаённый ужас. Так зима маскирует сугробами грязь, а пришедшая следом весна безжалостно обнажает неприглядную реальность. Мечущиеся души, никак не способные избыть собственный морок, толпами слонялись в Тени, что-то отыскивая на ощупь, будто слепцы ночью на безлюдном тракте. «За мной!» – надрывно провозглашал один безглазый калека, и толпы увлекались за ним в глубочайшую пропасть. Лишь единицы, отвергшие внутренний трепет за своё существование, шаг за шагом продвигались в сторону светлой нави – они с трудом преодолевали расстояние, которое Глеб отмеривал чётко, быстро и бесстрашно.

Будучи живым маяком, он против воли манил за собой сонмы утративших покой и безмятежность, словно вечерний фонарь рой кровососущих насекомых. Внять увещаниям Алхимика и не поворачиваться на зов со стенаниями, с мольбами оказалось гораздо труднее, чем предполагалось изначально. Скрежещущим вихрем преградил дорогу вырвавшийся вперёд ожесточённый дух (здесь стоило бы применить слово «душа», но это было бы более неприлично и чуждо для современного восприятия). Сверкая красными глазищами, что напоминали тлеющие угли, и, стучая железными зубами, встречник загрохотал грубым голосом:

– Где выход отсюда, человеке? Говори! Не то раздеру тебя на части клычищами!

– Себя раздери, – буркнул Глеб. – По тропинке, не сворачивая, там и дознаешься.

Встречник завыл, взметнулись вверх смоляные пакли на башке.

– Гляди, человеке! Солгал коли – нагоню, где бы ты ни был, да в ключья, в ошмёточки, в дребезги разобью, раздеру, разметаю!

– Ага-ага, – помахал ему Глеб. – Дорога пухом.

Юноша пошёл дальше, стараясь игнорировать навязчивые обращения, всхлипы, окрики. «Нельзя, – твердил он себе, – иначе загублен поход мой... и Веденею, милую Веденею, не увидеть больше никогда. Только вперёд!». Однако пренебречь восклицанием, заставшим врасплох, Глеб не сумел. Голос просящего почудился очень знакомым. Он обернулся и различил поодаль Игната. Сосед одиноко брёл в нескончаемом пространстве Тени, дичась неприкаянных, от которых сам, к слову, мало чем отличался.

– Глебушка! Будь добр, спаси меня! Пусть плох я, пусть нечестен, но если и суждено мне когда-нибудь попасть в это чистилище, то не сейчас. Пусть я свою жизнь доживу, как полагается, а уже потом...

Игнат протянул руки. Здесь, в темноте, не казалось, что он будто облит чернилами. Хотя стоило ему подойти к Глебу, как в сиянии вновь проявилась истинная сущность.

– Даже если я тебя выведу, – задумался Глеб, – то вряд ли ты сможешь не растаять на светлой стороне.

– Да кто знает? – скуксился Игнат. – Это всё обман с наслоением! Может, оно на свету, как под душем, смоеется?

– Ладно, иди за мной.

Вместе они почти добрались до разделяющего рубежа, чем-то напоминающего пропаханную межу, – отсюда удавалось рассмотреть остов мироздания. Нельзя было не взглянуть на Пресущную гору, не одарить её взором, полным восхищения и священного трепета. Но в Тени вместо великолепия явился кошмар. Нечистая сила в невообразимом количестве стаями копошилась подле вершины Пресущной горы, подле кроны Мирового дерева. Глядишь туда – туман, и чем выше, тем гуще; а за ним синеватое зарево, затем бледный мертвенный проблеск.

И всё заполнено мелькающими безобразными силуэтами, а отчётливее других виден дряблый лик, огромный, как пустой прозрачный сосуд, возле него же малые лики, дряхлые, измождённые вечностью горестей, скорбей и страданий, порождаемых собственным потоком неуёмных страстей.

Тихо заплакав после увиденного, Игнат припал к твёрдой поверхности, напоминавшей окаменевшую землю под слоем пепла. Глеб и сам испытал шок от такого зрелища, но, похоже, свет, пробуждённый Алхимиком, смягчил, упростил восприятие, чем снизил последствия пережитого испуга. От соприкосновения одним только взглядом с Нечистой силой Глеб едва не потух, как свеча под порывом ветра, однако собрался с силами и запретил себе бояться. Он постарался поднять за плечо соседа, но тот лишь глухо скулил и отказывался подчиняться.

На Игната было больно смотреть – оплывший, словно огарок, фактически утративший прежний образ (то есть безобразный), с потным лицом, перемазанным в пыли и в саже. С трудом Глеб поставил его на ноги.

– Надо идти!

Но на эти слова Игнат с прорывающимися рыданиями попятился назад, во мрак. Глеб успел схватить его за рукав и, безвольного и обмякшего, потащил за собой.

– Что же мне тебя, как мешок, волоком? – запыхавшись, вымолвил юноша. – Иди-ка сюда!

Он повернул соседа спиной, схватил под локти и взвалил на себя, точно большой тюк с поклажей. До рубежа оставалось совсем немного, а таким способом преодолеть ненавистную Тень было проще. С каждым шагом по мере приближения к светлой нави чувствовалось, как Игнат оживал и приходил в нормальное состояние.

– Ну! То-то же! – улыбался Глеб, не осознавая в полной мере того, что он сам, своим же свечением, лечил искалеченную душу соседа.

Когда до разграничительной черты оставалось всего-то метров двадцать – двадцать пять, со свистом и улюлюканьем сзади помчался им наперерез кружащийся вихрь. Глеб тотчас вспомнил встречника, который спрашивал, как выбраться из тёмной нави. Видимо, злой дух достиг рубежа, но не смог преодолеть его, ибо не избыл до конца отмеренное ему наказание. Теперь же он, разгневанный, искал на ком выместить злость и отчаяние из-за неудавшегося «побега».

– Стой, человече! – выл встречник, лязгая железными зубищами. – Стой, кому говорю! Ты почто наврал мне, негодный? Ты почто перехитрить меня вздумал?

– Отвяжись, ветродуй! – в том же стиле парировал Глеб. – Если мозгов нету, свои же я тебе не вставлю!

– Вон как разглагольствуешь! – взбесился встречник и прибавил в скорости. Он почти настиг их и уже разверз широкую пасть, чтобы вцепиться в ногу Игната...

Но Игнат тоже оказался не промах: вытащив из внутреннего кармана маузер, врученный Гасителем звёзд, он не прицеливаясь выстрелил в центр надвигающегося вихря. Дурным голосом завопил встречник, затрясся на месте, крутанулся против оси, да и распался тремя горстями пережжённого праха.

Весь в мыле, Глеб буквально перепрыгнул через границу и упал на траву. Рядом покатился Игнат, с которого, в самом деле, точно высохшая под солнцем краска, начала слазить чернильная плёнка. Она растрескалась и облупилась довольно быстро, так что естественный вид вернулся за считанные минуты.

Соседи немного постояли возле межи, словно оценивая, каково это – побывать по обе стороны такого странного и неповторимого пространства. Потом у каждого мысли понеслись вразнойбой. И трудно сказать наверняка, о чём размышлял Игнат. А вот Глеб никак не мог выкинуть из памяти встречника – его интонации, общую сущность. Глебу казалось, что очень давно, возможно, в прошлой жизни, когда он ещё не являлся человеком, а был крохотным, никому неизвестным существом, этот злой дух уже встречался ему, но тоже в ином обликии.

И уже тогда они враждовали, и злодей – проиграл. Хотя, может быть, все мысли по данному поводу всего-то самообман, иллюзии, на которые богата Тень Мирового древа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.